

II-36937p.
w/6p.

№ I, 5.13.17

Резерв

О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ

А. И. Маркевича.

ВЫПУСКЪ II.

Библиотека
О-ва для помощи сиротамъ
В. У. ...

ОДЕССА.

Текст: ... «ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА», КРАСНЫЙ ПЕРУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.
1885.

О ПРАВИЛАХ РАБОТЫ

СЕНТЯ

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго университета.
Ректоръ С. П. Ярошенко.

ИСКР П

ОТДѢЛЪ

Университетъ Новороссійскаго университета

1881

О РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЯХЪ.

Маистра А. И. Маркевича.

Кіевская лѣтопись.

Исслѣдователи, признавшіе составителемъ Древней лѣтописи преподобнаго Нестора, высказали мнѣніе, что послѣ 6618 (1110) года лѣтописи перестаютъ быть общерусскими и начинаются лѣтописи мѣстныя. Обыкновенно лѣтописецъ, переписавши лѣтопись Нестора, продолжалъ ее далѣе до извѣстнаго времени, сообщая, главнымъ образомъ, мѣстныя извѣстія; также поступалъ и слѣдующій. Поэтому исслѣдователей постоянно занималъ вопросъ о продолжателяхъ Нестора. Признавая сохранившуюся Древнюю русскую лѣтопись за сводъ начала XII вѣка, нельзя отрицать существованія мѣстныхъ лѣтописей и раньше 6618 года; почему ставить дѣло такъ, что дальнѣйшее развитіе лѣтописанія было только продолженіемъ труда составителя этого свода, уже невозможно. Конечно, можно еще сказать, что лѣтописцы продолжали вышесказаннымъ образомъ именно печерскую лѣтопись преп. Нестора; но объ этой послѣдней извѣстно слишкомъ мало, да и это малое оспаривается; поэтому такое мнѣніе почти не имѣло-бы за собой основаній. Впрочемъ, мы говоримъ лишь о времени очень близкомъ къ началу лѣтописанія, о XII вѣкѣ; въ лѣтописяхъ или, вѣрнѣе, въ лѣтописныхъ сводахъ болѣе поздняго времени, Древне русскій сводъ дѣйствительно въ началѣ переписывался — съ сокращеніями, дополненіями и измѣненіями, источниками для которыхъ могли служить и мѣстныя лѣтописи.

Существуетъ однако лѣтопись, дѣйствительно продолжающая Древне русскій лѣтописный сводъ. Лѣтопись эта представ-

ляетъ собою подобный же сводъ, составленный въ южной Руси, вѣроятно въ Кіевѣ, почему ее чаще всего и называютъ Кіевскою лѣтописью. Сводъ этотъ, подобно всѣмъ южнорусскимъ, заключаетъ въ себѣ и извѣстія, записанныя въ сѣверной Руси, подобно тому какъ и сѣверныя русскія лѣтописи и своды заключаютъ въ себѣ южно-русскія извѣстія; такъ что названіе этой лѣтописи «Кіевской», какъ и всѣ подобныя названія лѣтописей, представляетъ нѣкоторую неточность (Замѣчаніе Соловьева). Срезневскій (Чтенія) тоже находитъ, что въ настоящее время уже трудно обособить первоначальныя части лѣтописей новгородскихъ и кіевскихъ, не только волынскихъ или какихъ нибудь иныхъ. Но въ наукѣ названіе «Кіевской» утвердилось за этою лѣтописью на основаніи того, что въ ней встрѣчаются по преимуществу южно-русскія извѣстія, южная-же Русь называлась часто Землею Кіевскою, такъ что нѣтъ нужды отступать отъ этого названія. Бестужевъ-Рюминъ, впрочемъ, такъ и называетъ Кіевскую лѣтопись Южно-русскимъ сводомъ, а редакторы изданія лѣтописи по Ипатскому списку 1871 г.,—даже лѣтописью Юго-Западной Руси (стр. 191, примѣчаніе), или Волынскою, хотя до 1200 г. волынскія извѣстія не имѣютъ въ ней преобладающаго значенія (сравни *ibid.* стр. 479, примѣчаніе).

Кіевская лѣтопись дотого тѣсно примыкаетъ къ Древне-русской, что о мѣстѣ раздѣла ихъ идутъ споры (см. О лѣтописяхъ вып. I, стр. 114 и слѣд.), притомъ и по характеру своему она во многомъ сходна съ Древне-русскою лѣтописью, такъ что, какъ мы видѣли, Иловайскій даже считаетъ Древне-русскую лѣтопись частью того кіевского свода, о которомъ идетъ теперь рѣчь.

Сводъ этотъ представляетъ такую-же важность для исторіи, какъ и Древне-русскій, такъ какъ число иныхъ источниковъ для времени, имъ охватываемаго (XII вѣкъ), продолжаетъ оставаться незначительнымъ. Какъ памятникъ литературный, Кіевская лѣтопись тоже во многомъ сходна съ Древне-русскою.

Но не будучи столь популярною, какъ эта послѣдняя, Кіевская лѣтопись вызвала и гораздо меньше изслѣдованій, Капитальныхъ трудовъ, спеціально ей посвященныхъ, нѣтъ совсѣмъ. Важнѣе другихъ обширная глава въ сочиненіи о лѣтописяхъ Бестужева-Рюмина, посвященная составу Кіевской лѣтописи. Затѣмъ для знакомства съ этою лѣтописью важны Из-

слѣдованія Погодина (т. IV), Лекціи Костомарова, сочиненія Бѣляева, Аристовъ (Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ, преимущественно церковно-историческомъ. Православный Собесѣдникъ 1860 г.), Лашнюкова и Хрущова (О древне-русскихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ). Кое что о ней есть въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи того времени, которое эта лѣтопись обнимаетъ.

Кіевская лѣтопись сохранилась въ небольшомъ числѣ списковъ. Бестужевъ-Рюминъ указываетъ на Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Ермолаевскій ¹⁾ и списокъ Публичной Библиотеки (изъ Погодинскихъ); всѣ они очень сходны, притомъ во всѣхъ четырехъ спискахъ почти одинаковые пропуски; очевидно для всѣхъ этихъ списковъ былъ одинъ подлинникъ, а если и два, то очень схожіе (Погодинъ IV, 57; Бестужевъ-Рюминъ 110). У Татищева былъ еще одинъ списокъ—Голицынскій, нынѣ утраченный.

Древнѣйшій списокъ—Ипатьевскій, не позже XV вѣка (см. о немъ вып. I-ый стр. 104) и заключаетъ, кромѣ Кіевской, еще Древне-русскую и Галицко-волынскую лѣтописи. Древнимъ былъ и Голицынскій списокъ, въ которомъ Галицко-волынской лѣтописи не было. Остальные списки поздніе. Въ Ипатьевскомъ спискѣ есть утраченные листы, но они сохранились въ сходныхъ съ нимъ спискахъ.

Издана Кіевская лѣтопись по Ипатьевскому и сходнымъ спискамъ во II томѣ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, и позже, вмѣстѣ съ Древне-русской лѣтописью, Археографической комиссіей подъ редакціей С. Н. Палаузова. Въ предисловіяхъ къ этимъ изданіямъ говорится о спискахъ Кіевской лѣтописи.

Есть еще Галицкія изданія Кіевской лѣтописи, но я съ ними не знакомъ, да, кажется, представляя простыя перепечатки, они значенія не имѣютъ.

Кѣмъ составлена Кіевская лѣтопись?

Такъ какъ время, обнимаемое ею, почти столѣтіе (1111—1200 г.), то невозможно было считать эту лѣтопись трудомъ одного лѣтописца, продолжателя Нестора; поэтому и прежніе ученые допускали, что лѣтопись писана нѣсколькими лицами. Такъ Шлецеръ допускалъ трехъ лицъ—продолжателей: первымъ

¹⁾ Ермолаевскій, впрочемъ, переписанъ съ Хлѣбниковскаго недавно.

былъ Сильвестръ, описывавшій событія приблизительно до 1123 г. (когда онъ и умеръ), вторымъ, по списку Татищева, — въ 1147 г. бывшій съ Кн. Игоремъ во Владимірѣ (см. объ этомъ указаніи ниже). Онъ писалъ до 1157 г.; третій писалъ до конца ея. Перевошиковъ, основываясь на томъ, что расказчикъ упоминаетъ о себѣ подъ 1114—1123, а потомъ подъ 1151 г. и далѣе, предполагалъ, что лѣтописцевъ было два. Погодинъ думалъ, что три, такъ какъ независимо отъ того, что на пространствѣ 90 лѣтъ трудно допустить труды всего двухъ лѣтописцевъ, изъ самой лѣтописи видно, что 1140 годъ описанъ не тѣмъ лицомъ, которое писало о событіяхъ 1113—1132 г. Отъ 1140 же года писало, судя по времени (40 лѣтъ), вѣроятно, два лѣтописца. Впрочемъ, точнаго опредѣленія времени, когда писалъ каждый изъ этихъ лѣтописцевъ, у Погодина нѣтъ. Всѣ они, по мнѣнію Погодина, были кіевляне; хотя Карамзинъ одного изъ расказчиковъ (1151 г.) и счелъ черниговцемъ, но безъ достаточнаго основанія.

Первые редакторы Полнаго собранія русскихъ лѣтописей полагали, что нѣкоторые южно-русскія извѣстія, занесенныя въ значительномъ количествѣ въ лѣтопись по Лаврентьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ, представляютъ лишь суздальское сокращеніе изъ Ипатьевского списка; основывались они на томъ, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ списки эти весьма схожи. Мнѣніе это было опровергнуто Бѣляевымъ въ статьѣ: Русскія лѣтописи по Лаврентьевскому списку (Временникъ № 2). Путемъ внимательнаго анализа, Бѣляевъ доказываетъ, что составители обѣихъ лѣтописей лишь пользовались почти одинаковыми источниками; впрочемъ, источниками этими пользовались они совершенно самостоятельно, дѣлая поправки и т. п. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ составители имѣли и разные источники, такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ даже относительно приднѣпровскихъ происшествій есть извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Ипатьевскомъ, напр. подъ 6633 г. нѣтъ исчисленія церквей, погорѣвшихъ въ Кіевѣ; нѣтъ похода Ярополка на половцевъ въ 6638 г.; война Ярополка съ Ольговичами подъ 6646 г. разсказана съ большими подробностями. Нѣкоторые событія представлены съ иной точки зрѣнія: напримѣръ приходъ Ростислава Юрьевича къ Изяславу, врагу отца его, Юрія Долгорукаго Ипатьевскій списокъ (подъ 6656 г.) объясняетъ ссорю Ростислава съ отцемъ, а Лаврентьевскій — нежеланіемъ Ростис-

слава соединиться съ Ольговичами, врагами Мономаховичей, но въ данное время союзниками Юрія; очевидно, первое извѣстіе писано сторонникомъ Изяслава, второе сторонникомъ Ростислава. Наконецъ, хронологія въ обоихъ спискахъ не одинакова, напр. побѣда Кн. Глѣба надъ половцами въ Ипатьевскомъ спискѣ отнесена къ 6680 г., въ Лаврентьевскомъ—къ 6677 г. (см. ниже). Это сличеніе списковъ сдѣлано еще полнѣе Бестужевымъ-Рюминымъ, подтвердившимъ окончательно мнѣніе Бѣляева.

Лашнюковъ, допуская, что Лаврентьевскій списокъ не есть сокращеніе Ипатьевского, все таки не соглашается съ выводомъ Бѣляева и, дѣлая небольшое сличеніе извѣстій по обоимъ спискамъ, приходитъ къ мысли, что Ипатьевскій списокъ Киевской лѣтописи есть именно лѣтопись, а Лаврентьевскій представляетъ сводъ, въ составъ котораго вошли сокращенныя и нѣсколько измѣненныя извѣстія изъ кievскихъ лѣтописей, съ дополненіями изъ иныхъ источниковъ. Сводъ этотъ сдѣланъ суздальцемъ, мало интересующимся южно-русскими событіями и плохо ихъ знающимъ. За то авторъ на первомъ планѣ представляетъ личность Кн. Юрія, о неблагоприятныхъ дѣлахъ котораго умалчивается; а въ особенности выставляется благоразуміе Андрея Боголюбскаго. Составленіе этого свода можетъ принадлежать монаху Лаврентію, который въ силу этого и просилъ прощенія у читателей, если что описалъ, переписалъ или недописалъ.

Въ сущности мнѣніе Лашнюкова, насколько оно касается Киевской лѣтописи, нисколько не опровергаетъ мнѣній Бѣляева и Бестужева-Рюмина. Вопросъ идетъ о томъ, что многія извѣстія, находящіяся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, имѣютъ независимое отъ Ипатьевского списка происхожденіе. А являются ли одинаковыя свѣдѣнія въ обоихъ спискахъ изъ одинаковыхъ источниковъ, или они результатъ заимствованія, это вопросъ важный собственно для сужденія о времени составленія лѣтописи по Лаврентьевскому списку, или по крайней мѣрѣ той части ея, о которой идетъ рѣчь. Притомъ сопоставленіе списковъ сдѣлано Лашнюковымъ слишкомъ бѣгло, чтобы сравняться съ чуть не построчнымъ анализомъ Бестужева-Рюмина.

Бестужевъ-Рюмень принимаетъ существованіе въ началѣ XIII вѣка лѣтописныхъ первообразовъ для южно-русскаго и суз-

дальскаго сводовъ, которые онъ считаетъ одновременными (стр. 85); но что это за первообразы—у него объясненія нѣтъ.

Голубинскій (Исторія церкви) говоритъ о двухъ продолженіяхъ Древней лѣтописи: одно южное (собственно рядъ продолженій) находится въ разбираемой нами лѣтописи по Ипатьевскому списку; другой рядъ продолженій находится въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку и былъ веденъ сперва на югъ—въ Кіевъ, или Переяславъ, а потомъ уже въ сѣверо-восточной Руси. Но Голубинскій и ограничивается этими замѣчаніями.

Во всякомъ случаѣ южно-русскихъ лѣтописей XII вѣка было, конечно, нѣсколько; но сказать что либо опредѣленное о нихъ, помимо того, что можетъ быть сказано о лѣтописи по Ипатьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ, невозможно. Извѣстія изъ кіевскихъ лѣтописей XII вѣка находятся и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, напр. Никоновскомъ, Воскресенскомъ и др.; не они еще труднѣе поддаются анализу.

Костомаровъ, основываясь на характерѣ изложенія, приписываетъ веденіе Кіевской лѣтописи тоже нѣсколькимъ лѣтописцамъ, но допускаетъ сверхъ того и вставки, такъ что въ сущности признаетъ ее за сводъ. Личности въ которыхъ рассказиковъ онъ пытается даже опредѣлить и довольно удачно, но признавая лѣтопись за сводъ, удобнѣе будетъ привести соображенія Костомарова тогда, когда рѣчь пойдетъ о составѣ и источникахъ этого свода.

Голубинскій (Исторія церкви I, первая половина, стр. 652 примѣчаніе 2-ое) указываетъ на многихъ продолжателей древней лѣтописи, упоминающихъ о себѣ подъ различными годами и сообщающихъ свѣдѣнія, которыя нельзя отнести къ одному и тому же лицу, напр. высказываются совершенно различныя симпатіи.

Что Кіевская лѣтопись есть сводъ, окончательно доказано Бестужевымъ-Рюминымъ, и тѣмъ же методомъ, какъ имъ доказано это для Древне-русской лѣтописи (О составѣ лѣтописей стр. 73—75). Онъ указываетъ вставки, очевидно разорвавшія лѣтописное изложеніе, напр. подъ 6643 и 6644, или подъ 6649 и 6650 годомъ¹⁾; совершенно различныя точки зрѣнія по по-

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ указываетъ еще двойственность извѣстія въ лѣтописи подъ 6644 г. въ описаніи битвы на рѣкѣ Супоѣ, гдѣ два раза показанъ убитымъ внукъ Мономаха Царевичъ Василько Леоновичъ, причомъ во

воду изображаемаго событія; мѣста, которыя представляютъ совершенно особыя сказанія; мѣста сильно сокращенныя или съ пропусками; иногда по поводу изображаемаго событія сказано: о немъ же въ заднихъ лѣтахъ писано, или: ихъ же ми преди написахомъ, а прежде объ этомъ событіи вовсе не было говорено и т. п.

Впрочемъ, мнѣніе о томъ, что Кіевская лѣтопись есть сводъ, принято не всеми учеными, такъ Лашнюковъ считаетъ ее первоначальнымъ источникомъ, цѣльнымъ непрерывнымъ повѣствованіемъ нѣсколькихъ кіевскихъ лѣтописцевъ; но соображенія его слишкомъ кратки и въ нихъ есть лишь частныя замѣчанія на два-три мнѣнія Бестужева-Рюмина.

Но признаніе разбираемой нами Кіевской лѣтописи за сводъ не исключаетъ предположенія, что въ основаніе его все-же положена кіевская лѣтопись (можетъ быть и не одна); существованіе кіевскихъ лѣтописей въ доказательствахъ не нуждается, такъ какъ намъ болѣе или менѣе достаточно извѣстно развитіе лѣтописнаго дѣла у насъ на Руси въ XII вѣкѣ. Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ существованіе въ Кіевѣ нѣсколькихъ лѣтописцевъ (стр. 119 и 120), напр. одинъ изъ нихъ могъ вести подробную лѣтопись о дѣлахъ кіевского Князя Изяслава Мстиславича, будучи даже его соратникомъ (стр. 103).

Относительно вопроса, гдѣмъ Кіевская лѣтопись (т. е. сводъ) составлена, есть лишь мнѣніе Иловайскаго, что она составлена игуменомъ Михайловскаго Выдубецкаго монастыря Мойсеемъ, которымъ написано оканчивающее сводъ сказаніе о постройкѣ Кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ монастырской стѣны. Съ Иловайскимъ согласенъ и Хрущовъ. Можетъ быть это и такъ, но доказательства нѣтъ; укажемъ развѣ на замѣчаніе Аристова, что лѣтопись часто приписываетъ успѣхъ дѣла помощи Св. Михаила.

Костомаровъ предполагалъ, что Кіевская лѣтопись составлена игуменомъ Андреевскаго монастыря Симеономъ. Мнѣніе его основано на томъ, что лѣтописецъ говоритъ о себѣ подъ 6679 и 6680 гг. при перенесеніи тѣла Кн. Владиміра Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ. Оказывается, что при перенесеніи тѣла

второй разъ онъ названъ Василько Мариничемъ (по матери). Но Васильевскимъ (Русско-византійскіе отрывки въ Ж. М. Н. Пр. 1875 г. № 12 стр. 307 и др.) доказано, что это были два различныя лица, и противорѣчія здѣсь нѣтъ.

было два игумна: Поликарпъ печерскій и Симеонъ андреевскій, потомъ-же о Поликарпѣ говорится въ третьемъ лицѣ. Лашнюковъ и другіе писатели возражали, что при игумнахъ могли быть и иныя лица, изъ которыхъ кто нибудь и писалъ лѣтопись. Разумѣется, принимая лѣтопись за сводъ, нѣтъ необходимости въ такомъ опроверженіи; Симеонъ могъ описать лишь одно перенесеніе тѣла Владиміра.

Нѣсколько странная попытка охарактеризовать личность автора сдѣлана Аристовымъ. Онъ характеризуетъ лѣтописца всей той части лѣтописи по Ипатьевскому списку, которая напечатана во II т. Полнаго собранія русскихъ лѣтописей и которая заключаетъ въ себѣ лѣтопись не только Кіевскую, но и Галицко-волынскую и обнимаетъ 300 лѣтъ; какъ будто-бы одинъ лѣтописецъ могъ писать столько лѣтъ. Если даже предположить, что Аристовъ считалъ Ипатьевскій списокъ цѣликомъ составленнымъ уже послѣ того времени, до котораго въ немъ доведена лѣтопись, то какъ же онъ не замѣтилъ, что при сходствѣ многихъ мѣстъ лѣтописи по Ипатьевскому списку съ мѣстами находящимся въ иныхъ спискахъ, — позднѣйшій лѣтописецъ, на основаніи всего сообщеннаго имъ матеріала, характеризованъ быть не можетъ. Поэтому воспользоваться для характеристики составителя свода соображеніями Аристова невозможно; они пригодны лишь для характеристики самой лѣтописи.

За начало Кіевской лѣтописи принимаютъ 6619 г. Какъ мы уже говорили (вып. I стр. 122), то мѣсто, которымъ она примаыкаетъ къ Древней лѣтописи, представляетъ какую-то путаницу: рассказъ о сѣздѣ князей въ Долобскѣ противъ половцевъ, находящійся въ Кіевской лѣтописи подъ 6619 г., въ Лаврентьевскомъ спискѣ помѣщенъ подъ 6611 г.; но объ этомъ мы скажемъ ниже.

Оканчиваютъ Кіевскую лѣтопись всѣ изслѣдователи 6708 г. (1199—1200 г.); такъ какъ въ Ипатьевскомъ и сходнымъ съ нимъ спискахъ вслѣдъ за этимъ годомъ начинаются галицко-волынскія извѣстія. Лашнюковъ и Забѣлинъ говорятъ вообще о невозможности опредѣленнаго разграниченія лѣтописей. Погодинъ какъ будто-бы сомнѣвался, не оканчивается-ли лѣтопись въ 1187 г., или даже въ 1171 г.; но потомъ самъ-же своимъ сомнѣніемъ пренебрегъ (ср. въ IV т. стр. 44 и 47).

Въ какомъ видѣ дошла до насъ Кіевская лѣтопись? Этотъ

вопросъ не былъ обследованъ. Можно думать, что хотя лѣтопись при перепискѣ и пострадала (см. Погодинъ IV, 56), но меньше, чѣмъ Древняя лѣтопись, составленная раньше Кіевской. Разумѣется и въ Кіевской были вставки, сдѣланныя позже конца XII вѣка, и ошибки при перепискѣ и т. п. (см. Бестужевъ-Рюминъ *passim*).

Содержаніе Кіевской лѣтописи въ общихъ чертахъ слѣдующее :

Послѣ разсказа о походѣ 6614 г. на половцевъ слѣдуетъ извѣстіе о смерти В. Кн. Святополка и народномъ бунтѣ въ это время; потомъ о княженіи Мономаха (съ разсказами о стеклянныхъ глазкахъ, падающихъ съ неба, и о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба), дѣтей его: Мстислава и Ярополка, также и Всеволода Ольговича; о борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами; о княженіи Изяслава Мстиславича и войнахъ его съ Ольговичами, Юріемъ Долгорукимъ и Владиміромъ Галицкимъ (очень обширно); о продолженіи войнъ по смерти Изяслава, о новгородскомъ епископѣ Нифонтѣ; о княженіяхъ Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича и о борьбѣ Мстислава и Ростиславичей съ Андреемъ Боголюбскимъ; о суздальскомъ епископѣ Фодорцѣ; о княженіи Андрея Боголюбскаго и событіяхъ того времени въ Кіевѣ и Галичѣ; о смерти Андрея Боголюбскаго и борьбѣ вслѣдъ за этимъ за ростовскій престолъ; о княженіяхъ Всеволода Юрьевича въ Суздаль и Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ; о борьбѣ южно-русскихъ князей съ половцами ¹⁾, въ томъ числѣ и о знаменитомъ походѣ Игоря князя Сѣверскаго; и, наконецъ, о княженіи Рюрика Ростиславича въ Кіевѣ и Романа Мстиславича на Волыни и въ Галичѣ.

Костомаровъ замѣчаетъ, что до 6654 г. (1146 г.) лѣтопись представляется неравномѣрною въ описаніи событій: одни, преимущественно кіевскія (напр. 1136—1138 г.), разсказываются пространнѣе, другія, особенно въ началѣ, короче; но вообще разсказъ идетъ отрывочнѣе, чѣмъ въ Древней лѣтописи. Послѣ 1146 г. лѣтопись принимаетъ характеръ подробнаго разсказа и дѣлается полнѣе и оживленнѣе. Съ 1156 г. лѣтопись перестаетъ

¹⁾ Впрочемъ половецкая война проходитъ черезъ всю лѣтопись, только въ концѣ ей посвящено больше мѣста.

быть почти исключительно киевскою и сообщает много свѣдѣній о событіяхъ въ иныхъ мѣстностяхъ.

Обращаясь къ вопросу о составѣ Киевской лѣтописи и ея источникахъ, мы изложимъ здѣсь соображенія Бестужева-Рюмина, который сдѣлалъ подробный ея анализъ. Методъ его тотъ же самый, какъ и въ отношеніи къ Древней лѣтописи.

Источникомъ лѣтописи были главнымъ образомъ мелкія летучія замѣтки и историческія сказанія и повѣсти. Къ этому основному матеріалу присоединились поученія, благочестивыя размышленія лѣтописца, цитаты, словомъ все то, что есть вообще въ лѣтописяхъ, и въ частности въ Древней русской, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ. Напримѣръ, въ Киевской лѣтописи нѣтъ народныхъ преданій, такъ какъ лѣтопись поздняя; впрочемъ есть мѣста, въ которыхъ видно поэтическое творчество, только проникшее въ лѣтопись уже изъ дружиннаго эпоса.

Сказанія и замѣтки могли быть записаны въ различныхъ мѣстахъ; Бестужевъ-Рюминъ постоянно и предполагаетъ, что извѣстіе о черниговскихъ дѣлахъ записано въ Черниговѣ и т. д. Это весьма возможно, но не всегда доказательно.

Сначала выдѣлимъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ характеръ сказаній и которыя поэтому легче всего принять за вставки. Руководствуемся мы въ этомъ выдѣленіи частью Бестужевымъ-Рюминымъ, частью Хрущовымъ.

1) Прежде всего отмѣтимъ рассказъ 6619 г. о съѣздѣ князей въ Долобскѣ для похода на половцевъ, который Костомаровъ считаетъ особымъ сказаніемъ (онъ оканчивается словомъ аминь). О немъ нельзя сказать, къ какой лѣтописи онъ относится, такъ какъ онъ находится въ Древней лѣтописи подъ 6611 годомъ, и по нѣкоторымъ чертамъ сходенъ съ ея поэтическими сказаніями. Историки, напр. Соловьевъ, относятъ обыкновенно этотъ съѣздъ къ 1103 г., но Костомаровъ не рѣшается сказать, когда точно онъ происходилъ. Хрущовъ, у котораго сличены рассказы обѣихъ лѣтописей, принимаетъ два похода на половцевъ, хотя сходство во многихъ подробностяхъ дѣлаетъ это предположеніе мало правдоподобнымъ. Одно мѣсто изъ рассказа Хрущовъ сближаетъ съ фразою изъ Слова о полку Игоревѣ о томъ, какъ распространилась слава побѣды по иноземцамъ.

Къ рассказу Киевской лѣтописи присоединено мѣсто о дѣ-

лахъ ангеловъ, заимствованное изъ Златоуста, Епифанія Кипрскаго (писатель IV вѣка) и Ипполита (См. П. с. р. л. II, приложеніе, гдѣ приведены источники). Хрущовъ полагаетъ, что все сказаніе было написано въ Выдубецкомъ монастырѣ, но не составителемъ Древней лѣтописи.

Подъ 6622 г. сказаніе о стекляныхъ глазкахъ, падающихъ съ неба въ Ладогѣ. Это сказаніе сближаютъ съ разсказомъ Гюраты Роговича въ Древней лѣтописи, съ которымъ оно дѣйствительно сходно въ изложеніи (см. вып. I, стр. 161). Можетъ быть это часть большаго разсказа о чудесахъ. Бестужевъ-Рюминъ приписываетъ разсказу новгородское происхожденіе; онъ есть и въ первой Новгородской лѣтописи, но подъ 6624 годомъ и менѣе точенъ.

При сказаніи этомъ сдѣлана знаменитая ссылка на хронографъ, т. е. Малалу (см. Поповъ о хронографахъ стр. 18), о богахъ, съ славянскимъ обозначеніемъ именъ боговъ (Сварогъ, Дажьбогъ и т. д.). Мѣсто хоть и важное для русской мифологіи, но очень трудное для объясненія. Это указаніе на языческія божества дало основаніе думать, что эта часть лѣтописи написана лицомъ свѣтскимъ (Аристовъ).

Предъ этимъ мѣстомъ есть замѣтка о постройкѣ въ г. Ладогѣ каменной стѣны посадникомъ Павломъ. Трудно думать, чтобы сказаніе пристало сюда только потому, что упоминается Ладога; вѣрнѣе, что и эта замѣтка относится къ сказанію.

Подъ 6623 г. разсказывается о перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба и разсказчикъ былъ участникомъ этого событія. Костомаровъ полагаетъ на основаніи варіанта, извѣстнаго Татищеву, что разсказъ этотъ принадлежитъ Сильвестру, который составилъ Древній сводъ. Хрущовъ считаетъ это сказаніе проложнымъ; оно попадаетъ не только въ лѣтописяхъ (см. Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ изд. Срезневскимъ).

Съ 6654 по 6662 г. находится обширное (треть всей лѣтописи) сказаніе (можетъ быть и не одно) объ Изяславѣ Мстиславичѣ, сдѣланное, вѣроятно, лицомъ, его знавшимъ, такъ какъ лицо это слышало, какъ Изяславъ: рече слово, его же и переже слышахомъ — нейдетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту.

Обиліе указаній на военныя дѣла, напр. постоянно говорится о переходахъ войскъ, о числѣ ихъ, вооруженіи и т. п.,

причемъ разсказчикъ сторону Изяслава называетъ нашею, скудость церковныхъ извѣстій и отсутствіе цитатъ изъ Св. Писанія или нравственныхъ сентенцій при очень драматической формѣ изложенія, — все это, по мнѣнію Костомарова, съ которымъ согласны Бестужевъ-Рюминъ и Аристовъ, указываетъ на свѣтскаго лѣтописца, соратника князя ¹⁾. Мы думаемъ однако, что все это не исключаетъ возможности составленія разсказа и духовнымъ лицомъ, близкимъ къ князю и весьма заинтересованнымъ исходомъ изображаемыхъ имъ событій. Лашнюковъ тоже считалъ автора разсказа, особенно той части гдѣ рѣчь идетъ объ убійствѣ Игоря, за монаха, и именно на основаніи общаго характера разсказа.

Что разсказъ объ Изяславѣ Мстиславичѣ имѣетъ сложный характеръ и дошелъ до насъ съ разными вставками, это было замѣчено еще Карамзинымъ, потомъ указано Соловьевымъ и особенно Погодинымъ; но подробнѣйшій и огромный по величинѣ (построчный) анализъ этого сказанія сдѣланъ Бестужевымъ-Рюминымъ (см. также сочиненіе Хрущова), который сличилъ его съ извѣстіями иныхъ лѣтописей и указалъ всѣ въ нихъ варіанты, такъ какъ въ лѣтописяхъ Суздальской, Новгородской и другихъ разсказъ этотъ имѣетъ значительныя отличія, напр. есть иные объясненія, иные симпатіи и т. п. Бестужевъ-Рюминъ указалъ и различные источники (сказанія, мѣстные лѣтописныя замѣтки, памяти о князьяхъ), въ этомъ сказаніи перемѣшанныя. Нѣкоторыя мѣста представляютъ какъ бы отрывки изъ житія Изяслава Мстиславича, можетъ быть изъ лѣтописи, которую велъ его соратникъ до 70 г. XII столѣтія (Хрущовъ, не соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, думаетъ, что объ Изяславѣ было нѣсколько памятей, здѣсь и сведенныхъ). Другія мѣста обличаютъ въ авторѣ не сторонника Изяслава, а напротивъ сторонника враговъ его: Игоря и Святослава Ольговичей, и, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, принадлежать къ черниговскому сказанію. Это послѣднее внесено съ пропусками, на что есть

¹⁾ Линниченко присоединяетъ къ этимъ аргументамъ указаніе на благосклонность разсказа къ иноземцамъ, которой не видно въ иныхъ частяхъ лѣтописи, напр. въ разсказѣ о княженіи Всеволода Ольговича (Взаимн. отнош. Руси и Польши).

указанія. Есть мѣста, указывающія на сторонника Юрія Долгорукаго и записанныя, вѣроятно, въ Суздаль.

Кромѣ того Бестужевъ-Рюминъ указываетъ мѣста, имѣющія вставочный характеръ и записанныя въ Галичѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ (см. ниже). Любопытно, что въ Воскресенскомъ лѣтописномъ сборникѣ авторъ скомпилировалъ извѣстія изъ различныхъ источниковъ, не обративъ вниманія на противорѣчія въ нихъ, не указавши на заимствованія и не объясняя причинъ своего выбора.

Разсказъ объ убійствѣ Игоря Ольговича Бестужевъ-Рюминъ склоненъ считать едва-ли не особымъ сочиненіемъ, но сокращеннымъ. Хрущовъ полагаетъ, что это сказаніе написано сторонникомъ Изяслава, и наоборотъ первая редакція его находится въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ Ипатьевскомъ-же спискѣ позднѣйшая, уже распространенная. Онъ видитъ въ разсказѣ уже позднѣйшее желаніе оправдать Изяслава, что судя по тону разсказа довольно вѣроятно. Нѣгоря подробности, по мнѣнію Хрущова, указываютъ на существованіе особой повѣсти объ убіеніи Игоря, написанной, можетъ быть, инокомъ монастыря Св. Симеона, построеннаго Ольговичами.

Разсказъ о смерти Игоря Ольговича встрѣчается въ рукописяхъ и отдѣльно, такъ на него есть указаніе въ описаніи рукописей Царскаго Строева (№ 636); но онъ повидимому сходенъ съ болѣе изукрашеннымъ разсказомъ Степенной книги, почему Бестужевъ-Рюминъ и не можетъ рѣшить, не перешелъ ли этотъ разсказъ въ сборники уже изъ Степенной книги, или вообще изъ лѣтописей.

У Татищева встрѣчается указаніе, что лѣтописецъ зналъ Игоря Ольговича, когда князь этотъ жилъ во Владимірѣ Волынскомъ. Но есть сомнѣніе (Карамзина), что Игорь жилъ во Владимірѣ. Бестужевъ-Рюминъ подвергаетъ сомнѣнію извѣстіе Татищева еще и потому, что лѣтописецъ характеризуетъ Игоря, какъ человѣка благочестиваго лишь притворно. Въ XII вѣкѣ притворное благочестіе кажется Бестужеву-Рюмину невозможнымъ явленіемъ; но самъ онъ приводитъ примѣръ Владимірка, который въ лѣтописи рисуется именно лицемѣромъ. Да и неужели же въ Россіи въ XII в. не было лицемѣровъ? ¹⁾

¹⁾ См. мнѣніе Бестужева-Рюмина, что люди тѣхъ временъ были похожи на насъ (стр. 93).

Хрущовъ къ числу вставокъ въ разсказъ о борьбѣ Изяслава съ врагами еще причисляетъ лѣтописное извѣстіе объ измѣнѣ Давидовичей Святославу, писанное лицомъ духовнымъ, и по нѣкоторымъ признакамъ (подробности грабежа въ селахъ, принадлежащихъ Ольговичамъ), жителемъ Новгорода Сѣверскаго, можетъ быть даже лѣтописцемъ новгородсѣверскимъ. Не вѣрнѣ ли было бы считать отдѣльнымъ черниговскимъ сказаніемъ разсказъ лѣтописи о томъ, какъ старался Святославъ Ольговичъ выручить изъ плѣна брата своего Игоря, а потомъ хотя бы и тѣло его. Разсказъ этотъ проникнутъ очень замѣтною симпатіей къ Святославу и рѣзко подчеркиваетъ его братолюбіе. Разсказъ о битвѣ на рѣкѣ Рутѣ Хрущовъ тоже считаетъ особымъ и цѣльнымъ сказаніемъ. Эпизодомъ-же (суздальскаго происхожденія) считаетъ онъ разсказъ о подвигахъ Андрея Боголюбскаго подъ Лудкомъ. Кажется, Хрущовъ принимаетъ еще за отдѣльные эпизоды разсказы о галицкихъ дѣлахъ¹⁾; по крайней мѣрѣ такимъ является исторія посольства Петра Борисовича въ Галичь, разсказъ о которомъ Хрущовъ считаетъ отрывкомъ изъ мемуара самаго посла.

Въ сказаніе о борьбѣ Изяслава съ врагами въ Никонской лѣтописи вставленъ разсказъ о переяславскомъ богатырѣ Демьянѣ и слугѣ его Торопѣ, занесенный, надо думать, изъ творенія какого нибудь книжника XVI в., а не изъ сказки или пѣсни; впрочемъ имя Торопа попадаетъ въ народныхъ произведеніяхъ.

Часть особаго сказанія представляетъ подъ 6664 г. описаніе кончины Нифонта, вѣроятно, заимствованное изъ житія. По мнѣнію Костомарова и Голубинскаго авторъ разсказа былъ лицомъ духовнымъ, такъ онъ говоритъ о себѣ, что Нифонтъ ввелъ его въ алтарь. Лицо это расположено къ Нифонту, тогда какъ прежде въ лѣтописи говорится съ участіемъ о врагѣ Нифонта митрополитѣ Климѣ, напр. подъ 6655 г. Сказаніе это встрѣчается въ житіи Нифонта, только уже новомъ (Памятники старинной русской литературы), куда оно могло попасть изъ лѣтописи; но Бестужевъ-Рюминъ считаетъ это сказаніе цѣльнымъ, такъ что предполагать лѣтописный источникъ трудно.

¹⁾ Мы несомнѣнно точно понимаемъ употребленіе Хрущовымъ термина повѣствованіе; повѣсть ли это, или всякое записанное извѣстіе?

Разсказъ подъ 6680 г. о суздальскомъ Епископѣ Ѳеодорцѣ настолькоъ кратокъ, что нельзя рѣшить, было-ли это особое сказаніе ¹⁾. Хрущовъ, считая разсказъ о Ѳеодорцѣ особымъ сказаніемъ, сближаетъ его еще съ двумя сказаніями: объ осадѣ Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго и о чудѣ Десятиной Богородицы въ Кіевѣ (см. ниже) и думаетъ, что всѣ эти три сказанія составляли часть сборника сказаній о чудесахъ Пресвятой Богородицы. Сказанія эти писаны лицами, преданными князю Андрею Боголюбскому. Два изъ этихъ сказаній происхожденія владимірскаго, а третье хотя и кіевское, но относится къ тому времени, когда въ Кіевѣ княжилъ братъ Андрея Боголюбскаго Глѣба, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ третій братъ ихъ Михалко.

Соловьевъ полагалъ, что источникомъ сказанія о Ѳеодорцѣ было посланіе митрополита, но слѣдовъ этого посланія слышкомъ мало.

Сказаніе 6683 г. объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. Самостоятельность сказанія несомнѣнна уже изъ его цѣльности и обстоятельности. Написано оно, судя по мельчайшимъ сообщаемымъ подробностямъ (по Хрущову, даже не позже вокняженіи Всеволода во Владимірѣ въ 1177 г.), очевидцемъ событія, по догадкѣ Бестужева-Рюмина—Кузьмищемъ кияниномъ, разговоръ котораго съ однимъ изъ убійцъ подробно приведенъ въ сказаніи. Этимъ предположеніемъ можетъ быть объяснено, почему несмотря на то, что здѣсь сообщены событія Суздальской земли, самый полный текстъ сказанія находится въ Кіевской лѣтописи. Можетъ быть Кузьмище былъ лицо духовное, по крайней мѣрѣ суффиксъ *ще* позднѣе употреблялся для обозначенія духовныхъ лицъ (Бестужевъ-Рюминъ Русск. Исторія, Введ. стр. 27). Похвала Андрею впрочемъ написана не Кузьмищемъ (въ ней есть противорѣчіе съ его сказаніемъ), а вѣроятно какимъ либо владимірцемъ (Хрущовъ). Въ другихъ лѣтописяхъ есть это сказаніе въ сокращенномъ видѣ, хотя и съ вариантами. Въ Тверской лѣтописи оно даже выдѣлено въ особую повѣсть; но ис-

¹⁾ См. Труды Кіевской Дух. Академіи 1884 г. № 12 Малышевскій: Кіевскіе церковные соборы, стр. 517.

точникъ былъ одинъ и въ наибольшей полности и цѣлости сказаніе сохранилось въ Кіевской лѣтописи (смотри о разныхъ редакціяхъ его у Корсакова: Меря и Ростовское княжество, стр. 114, прим. 18). Нельзя не обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ убійствѣ Андрея Боголюбскаго нѣкоторыя черты напоминаютъ смерть Альбойна, короля лонгобардовъ, другія—смерть В. Князя Михаила Ярославича Тверскаго, наконецъ третья—одно событіе изъ болѣе поздняго времени русской исторіи; но сходство здѣсь, конечно, случайное.

и Сказаніе 6683—6685 гг. (или рядъ сказаній—см. Хрущовъ) о распрѣ братьевъ Кн. Андрея Боголюбскаго съ племянниками. Сказаніе это, по предположенію Бестужева-Рюмина, оканчивается побѣдою Всеволода Большое Гнѣздо надъ племянниками и имѣетъ одинъ общій характеръ: показывается торжество города Владиміра надъ старыми городами Ростовомъ и Суздальемъ. Сказаніе явно владимірское, такъ какъ оно все наполнено похвалами городу Владиміру. Въ Суздальской лѣтописи оно сохранилось полнѣе; хотя Кіевская, кромѣ него, имѣла и особый источникъ, извѣстія изъ котораго кое гдѣ и прибавила. Сличеніе этихъ сказаній есть тоже кое гдѣ у Корсакова (op. cit. стр. 117, прим. 2). Авторъ сказанія, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, былъ владимірскій горожанинъ. Можетъ быть желаніе прославить икону Владимірской Божьей Матери указываетъ на клирика города Владиміра.

Описаніе чуда образа Владимірской Божьей Матери изъ этого сказанія вошло въ гораздо позже составленный разсказъ о всѣхъ чудесахъ образа, находящійся въ Степенной книгѣ.

Сказаніе 6693 г. о походѣ Игоря на половцевъ. Въ лѣтописи оно вполне сохранило свою цѣльность и стройность разсказа. Подробности, изъ которыхъ инья представляютъ намеки, ясные въ свое время, а теперь мало понятные, и числовыя показанія указываютъ на автора—участника въ походѣ. Между прочимъ въ разсказѣ о плѣнѣ авторъ не сообщаетъ чиселъ, а только дни недѣли: въ плѣну онъ потерялъ счетъ чиселъ. Сказаніе это составлено по возвращеніи изъ плѣна, по воспоминаніямъ, почему иногда обозначеніе времени въ немъ примѣрное (столько-то дней стояли, столько-то бились). Сказаніе это представляетъ неудачу похода, какъ наказаніе Божіе за грѣхи. Самъ

Игорь считаетъ свой плѣнъ возмездіемъ за свои жестокіе поступки ¹⁾).

Сказаній о походѣ Игоря было нѣсколько; однимъ изъ нихъ пользовался составитель Суздальской лѣтописи, откуда оно перешло и во всѣ позднѣйшія. Дословно нѣ сходство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсказа о походѣ указываетъ, что оба сказанія пользовались какимъ-то общимъ источникомъ. Наконецъ особое поэтическое сказаніе объ этомъ-же походѣ представляетъ знаменитое Слово о полку Игоревѣ, въ которомъ, несмотря на сильное различіе относительно идеи, способа изложенія и слога, все же есть мѣста, сходныя съ извѣстіями лѣтописными (см. хотя у Хрущова).

Сказаніе 6707 г. о построеніи Рюрикомъ Ростиславичемъ каменной стѣны въ Михайловскомъ Выдубецкомъ монастырѣ и похвала Кн. Рюрику Ростиславичу, сказанная игуменомъ этого монастыря Моисеемъ и, по предположенію Голубинскаго, сказанная именно въ присутствіи Кн. Рюрика, писавы, очевидно въ Выдубецкомъ монастырѣ и, по мнѣнію Иловайскаго, игуменомъ Моисеемъ. Бередниковъ считалъ ихъ частью лѣтописи Выдубецкаго монастыря; но Бестужевъ-Рюминъ сомнѣвается въ этомъ, такъ какъ на лѣтопись эту вообще нѣтъ никакихъ указаній, равно какъ и слѣдовъ ея въ видѣ какихъ либо записей о монастырѣ.

Можетъ быть въ составъ Кіевской лѣтописи вошли и еще какія нибудь сказанія, но теперь уже трудно, по ихъ краткости, выдѣлить ихъ изъ ея состава. Такими напр. предполагаетъ Бестужевъ-Рюминъ разсказы о первомъ походѣ 6652 г. Всеволода Ольговича на Владиміра, о походѣ князей въ 6678 г. на половцевъ по приглашенію Кн. Мстислава, рѣчь котораго начинается словами: «а лѣпо ны было, братье»..., о борьбѣ Кн.

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ вслѣдъ за Арцыбашевымъ, спрашиваетъ, гдѣ былъ гор. Глѣбовъ у Переяслава, о которомъ говорилъ Игорь, такъ какъ въ лѣтописяхъ онъ не встрѣчается. Можетъ быть это было укрѣпленіе, выстроенное Кн. Глѣбомъ, отцемъ Кн. Владиміра Глѣбовича, въ Переяславѣ, гдѣ онъ долго жилъ и былъ княземъ (съ 1154—1171 г.). Голубовскій (Печенѣги, торги и половцы. Кіевск. универс. изв. 1883 г. № 9, стр. 411) указываетъ с. Глѣбовку на р. Альтѣ въ 4-хъ верстахъ отъ Переяслава. Конечно, прежній Переяславъ былъ дальше нынѣшняго и это мѣсто могло входить въ составъ его укрѣпленій.

Михалка Юрьевича съ половцами, о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, о смерти въ 6705 г. Давида Ростиславича—съ обширною ему похвалою. Авторомъ послѣдняго сказанія Хрущовъ предполагалъ тоже Выдубецкаго игумна Моисея.

Хрущовъ въ числѣ сказаній приводитъ еще слѣдующія четыре мѣста, считаемыя имъ за особыя сказанія характера церковнаго (такъ какъ веденіе всей лѣтописи до 6648 г. онъ приписываетъ рукамъ монашескимъ): 1) рассказъ 6632 г. о походѣ и гибели Ярослава Святополковича у стѣнъ г. Владимира, имѣющій видъ поученія, обращеннаго къ другимъ и какъ будто передѣланнаго изъ проповѣди; 2) рассказъ объ отраженіи въ 6634 г. Мстиславомъ Владиміровичемъ половцевъ; 3) рассказъ 6636 г. о нарушеніи подѣ влияніемъ духовенства Кн. Мстиславомъ клятвы, данной черниговскимъ князьямъ, болѣе сочувствующій князю, чѣмъ духовенству; 4) рассказъ 6636 же года о походѣ князей на полоцкую землю, уже совершенно свѣтскаго характера. Всѣ эти рассказы очень кратки.

Затѣмъ Хрущовъ указываетъ, какъ на сказанія, еще на три извѣстія о чудесахъ Пресв. Богородицы. Объ одномъ (о Епископѣ Ѳеодорцѣ) мы говорили; два другихъ онъ безъ всякихъ колебаній признаетъ сказаніями: 1) рассказъ подѣ 6680 г. о чудѣ Десятинной Богородицы. Этотъ послѣдній рассказъ Хрущовъ считаетъ дружиннымъ поэтическимъ произведеніемъ съ извѣстными эпическими чертами, но уже обработаннымъ духовнымъ лицомъ и въ такомъ видѣ внесеннымъ въ лѣтописи ¹⁾; и 2) рассказъ подѣ 6681 г. объ осадѣ Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго, переданный съ иной точки зрѣнія, чѣмъ рассказъ новгородскій, сохранившійся въ проложномъ сказаніи о новгородскомъ знаменіи и въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Сказаніями же Хрущовъ считаетъ и два рассказа (6691 г. и 6692 г.) о походѣ на половцевъ В. Кн. Святослава Всеволодовича и др. князей; но очень схожіе рассказы о борьбѣ этихъ князей съ половцами есть и раньше. Намъ кажется, что характеръ отдѣльнаго сочиненія носитъ бесѣда Кн. Ростислава съ игумномъ Поликарпомъ,

¹⁾ Съ этимъ рассказомъ схожъ и болѣе краткій рассказъ о побѣдѣ Михалка надъ половцами подѣ 6681 г.

которая внесена въ лѣтопись при извѣстїи о смерти Ростислава подъ 6677 годомъ.

Въ Погодинскомъ спискѣ подъ 6659 годомъ помѣщенъ обширный разсказъ о крещенїи Св. Владимира, очевидно, появившійся въ силу того, что были спутаны листы ¹⁾.

Число заимствованїй изъ иностранныхъ, даже изъ византійскихъ источниковъ невелико: подъ 6621 г. по случаю затмѣнїя солнца указано событїе, бывшее въ Иерусалимѣ во время Царя Антіоха; оно указано уже и въ Древней лѣтописи.

Наконецъ извѣстїя о взятїи въ 6695 г. сарацинами Иерусалима (неправильное, тогда былъ взятъ Аскалонъ, а Иерусалимъ позднѣе) и особенно подъ 6698 г. о 3-мъ крестовомъ походѣ, вѣроятно заимствованы изъ западныхъ источниковъ, именно, похвалу крестоносцамъ Беренниковъ считалъ отрывкомъ изъ какой нибудь латинской легенды.

Лѣтописныя замѣтки Киевской лѣтописи имѣютъ обыкновенный лѣтописный характеръ; относительно же ихъ происхожденїя Бестужевъ-Рюминъ тоже сдѣлалъ очень обстоятельный погодный анализъ. Главный ихъ источникъ, конечно, кїевскїй; напр. однѣ, по мнѣнїю Бестужева-Рюмина, были записаны въ кїевскихъ монастыряхъ и въ томъ числѣ въ Печерскомъ, такъ какъ онѣ говорятъ и о монастырскихъ дѣлахъ ²⁾, другїя касаются рода князей Мономаховичей. Но есть замѣтки происхожденїя черниговскаго и новгородсверскаго, переяславскаго, волыньско-галицкаго, полоцкаго, новгородскаго, псковскаго и суздальскаго, даже рязанскаго. Такимъ образомъ, Киевская лѣтопись въ значительной степени имѣетъ общерусскїй характеръ (см. Бестужевъ-Рюминъ стр. 115 и друг.).

Основанїя для опредѣленїя такого источника у Бестужева-Рюмина не всегда надежны, хотя и весьма просты: черниговское извѣстїе записано въ Черниговѣ, полоцкое въ Полоцкѣ и т. д. Хотя въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, если не въ Псковѣ, могло быть съ наибольшою вѣроятностью записано извѣстїе о томъ, что Всеволодъ Мстиславичъ скончался въ Псковѣ 11 февраля

¹⁾ Указанїе примѣчанїя на стр. 338 въ изданїи 1871 г. опровергается въ указателѣ опечатокъ.

²⁾ Линниченко указываетъ, что такой характеръ особенно носятъ лѣтописныя замѣтки о княженїи Всеволода Ольговича (I. с.).

въ четвергъ на масляной недѣлѣ? Вѣроятность опредѣленія источника такимъ путемъ иногда довольно значительна. Затѣмъ для Бестужева-Рюмина служатъ указаніемъ на источникъ симпатіи автора записи къ тому или другому лицу, что тоже иногда очень вѣроятно.

Изъ лѣтописи же видно, что многія записи сдѣланы не только современниками, но даже очевидцами и участниками событій, такъ извѣстіе о перенесеніи тѣла Князя Владиміра Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ было, по всей вѣроятности, записано игумномъ Андреевскаго монастыря (см. выше стр. 8), въ которомъ тѣло было и похоронено. Всѣ подходящія мѣста подобраны Погодиномъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

Въ концѣ лѣтописи, по наблюденію Бестужева-Рюмина, особенно много замѣтокъ посвящено роду смоленскихъ Мономаховичей, что, впрочемъ, и неудивительно, такъ какъ въ концѣ XII в. родъ этотъ княжилъ въ Кіевѣ.

Вопросъ о томъ: внесены ли въ южно-русскій сводъ, записанныя въ различныхъ мѣстностяхъ, замѣтки непосредственно, или уже изъ мѣстныхъ сводовъ, Бестужевъ-Рюминъ считаетъ неразрѣшимымъ по отсутствію источниковъ.

Кіевскія замѣтки относительно XII вѣка находятся и въ Суздальской и въ иныхъ лѣтописяхъ. Сличеніе ихъ есть у Бестужева-Рюмина, причемъ очевидно, что нѣкоторыя изъ нихъ не одного источника съ занесенными въ Ипатьевскій списокъ. Въ Воскресенскомъ сборникѣ находится много извѣстій, пропущенныхъ въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ спискахъ.

Вопросъ о достовѣрности лѣтописей вообще, какъ мы уже неразъ говорили, въ настоящее время не существуетъ, уступивъ мѣсто вопросу о достовѣрности того или другаго лѣтописнаго показанія; но это уже дѣло специальной исторической критики, которая должна принять въ соображеніе и положеніе лица, которое могло сообщить данное извѣстіе, и его симпатіи и антипатіи и т. д. Всѣ эти соображенія приложимы и къ Кіевской лѣтописи, почему на вопросъ о ея достовѣрности мы не останавливаемся.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Кіевскою лѣтописью, касаются преимущественно южной Руси, но мы видѣли, что она въ значительной степени имѣетъ и общерусскій характеръ, сообщая много свѣдѣній о всевозможныхъ русскихъ мѣстностяхъ. Очень

важнымъ источникомъ можетъ служить Кіевская лѣтопись для исторіи половцевъ и другихъ инородцевъ южной Руси, а также для исторіи поляковъ и венгровъ въ XII столѣтіи.

Какъ и Древняя лѣтопись, Кіевская лѣтопись служитъ превосходнымъ источникомъ для знакомства съ народнымъ бытомъ: въ ней, говоритъ Лашнюковъ, обращено болѣе вниманія на положеніе народа, отношеніе его къ власти и къ Землѣ, чѣмъ на междукняжескія отношенія. Народъ, являющійся въ ней на сцену, не масса безъ опредѣленной роли и положенія—дѣйствовавшая въ извѣстныхъ только случаяхъ, какъ это было въ смутахъ позднѣйшаго времени въ московскомъ государствѣ, а народъ, заявлявшій опредѣленные требованія въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Кіевская лѣтопись столь же художественно, какъ и Древняя, рисуетъ намъ политическую жизнь южнорусскаго народа и по той же самой причинѣ: въ XII вѣкѣ еще не утратилось политическое значеніе народа и вѣчевое устройство городовъ было полно жизни. Даже новгородскія лѣтописи не рисуютъ намъ такъ ярко картины городского политическаго движенія, какъ сказаніе о смерти Игоря Ольговича, которое, по общему мнѣнію, принадлежитъ по своей художественности къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ древней русской письменности.

Такъ какъ вопросъ о хронологіи Кіевской лѣтописи не подвергался спеціальному изученію, то нужно полагать, что она въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ другихъ лѣтописей. Нѣсколько показаній ея, впрочемъ, провѣрены Погодинымъ, и даты Ипатьевского списка, доступныя провѣркѣ, оказались до 1125 г. довольно вѣрными, причомъ Погодинъ предполагаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ описки. Лаврентьевскій же списокъ до этого времени несовсѣмъ вѣренъ. Съ 1125 г. роли мѣняются: Лаврентьевскій вѣренъ, а Ипатьевскій идетъ впередъ на годъ; такъ, до 1134 года. Съ 1134—1338 года оба списка сходны, а съ 1139 г. Ипатьевскій списокъ опять идетъ годомъ впередъ до 1146 г.; потомъ до 1157 г. показанія Кіевской лѣтописи довольно вѣрны, а съ 1157—1175 г. опять невѣрны, уходя впередъ на годъ (впрочемъ суздальскія событія обозначены вѣрно), съ 1167 г. на два, а съ 1173 г. даже на три года. Хронологія съ 1171 г. по Ипатьевскому списку (съ 1169 г. по Лаврентьевскому) очень запутана, а съ 1185 г. вѣрна. Но самъ

Погодинъ не считалъ своихъ соображеній окончательными, и анализъ долженъ быть сдѣланъ болѣе подробный, на примѣръ такой, какой сдѣланъ Погодинымъ же въ изслѣдованіи о жизни Андрея Боголюбскаго (Изслѣдованія т. VI).

Нигѣмъ не сдѣлана и характеристика Кіевской лѣтописи, какъ памятника литературнаго. Всѣ изслѣдователи обыкновенно лишь говорятъ, что Кіевская лѣтопись представляетъ въ этомъ отношеніи полное сходство съ Древнею лѣтописью; поэтому къ ней приложимы соображенія о Древней лѣтописи Сухомлинова (смотри изложеніе ихъ у насъ въ 1-мъ выпускѣ).

Небольшая характеристика Кіевской лѣтописи по Ипатьевскому списку есть въ статьѣ Аристова, о которой мы уже упоминали. Замѣтимъ при этомъ, что составитель свода, группируя матеріалъ, не слишкомъ заботился придать ему извѣстное единство. Аристовъ приводитъ примѣръ, какъ лѣтопись сперва считаетъ дѣломъ дьявольскимъ мысль Давидовичей изгнать Игоря Ольговича, потомъ торжество враговъ Игоря достигается пособіемъ Божиимъ, силою честнаго креста, заступленіемъ Св. Михаила и молитвами Богородицы, а потомъ изгнаніе Игоря является дѣломъ дьявола. Если же, за исключеніемъ подобныхъ противорѣчій, Кіевская лѣтопись представляетъ (по Аристову) многія общія черты, то, очевидно, что мы опять встрѣчаемся съ извѣстною южнорусскою литературною школою XII вѣка.

Вотъ какія лѣтописныя черты можемъ мы, слѣдуя Аристову, извлечь изъ Кіевской лѣтописи, если выдѣлить изъ нея все то, что характеризуетъ уже Галицко-волинскую лѣтопись.

Лѣтопись почти исключительно состоитъ изъ описаній внутреннихъ несогласій князей, кровопролитныхъ усобицъ за волости, походовъ на внѣшнихъ враговъ и ихъ набѣговъ. Мы прибавимъ къ этому, что при всѣхъ этихъ случаяхъ сообщаются и политическія движенія самаго народа. Особенно останавливается лѣтопись, по мнѣнію Аристова, на военныхъ событіяхъ, сообщая самыя мелкія подробности о нихъ. Она съ любовью обращаетъ вниманіе на устройство и расположеніе войска, на военные походы и бранное искусство, отмѣчаетъ всѣ движенія и станы войска и распоряженія военачальниковъ, сообщаетъ мельчайшія, однако краснорѣчивыя подробности въ описаніи битвъ. Отмѣчаются военныя хитрости и случайности, военная ловкость и оборотливость; охотно говорится о тѣлесной силѣ,

храбрости и удалствѣ въ войнѣ и на охотѣ, приводятся военныя рѣчи, которыми предводители возбуждали мужество войскъ, и перебранки непріязненныхъ сторонъ, затрогивающія самолюбіе. Лѣтопись иногда какъ-бы обращается съ увѣщаніемъ къ дружинѣ, иногда передаетъ острия пословицы и сама прибѣгаетъ къ насмѣшкамъ. Вообще, честь и слава, позоръ и стыдъ передъ людьми производятъ сильное впечатлѣніе. Не мало мѣста отведено военнымъ играмъ и забавамъ, подаркамъ лошадьми и оружіемъ, красивому и блестящему вооруженію и убранству, угощенію, музыкѣ и пѣнію. Впрочемъ, почти всѣ приведенные Аристовымъ примѣры заимствованы изъ той части лѣтописи, гдѣ рѣчь идетъ о войнахъ Изяслава Мстиславича (или изъ лѣтописи Галицко-волинской) которая, какъ мы уже сказали, занимаетъ треть всей лѣтописи.

Наоборотъ, фактовъ церковно-историческихъ сообщается неособенно много и лѣтопись касается только тѣхъ, которые выдаются изъ ряду обыкновенныхъ. Аристовъ указываетъ даже на нѣкоторый по отношенію къ католицизму религіозный индифферентизмъ. Впрочемъ, въ Киевской лѣтописи это не такъ замѣтно, какъ въ Галицко-волинской. Изъ приведенныхъ Аристовымъ примѣровъ подходит лишь уже указанная нами похваля крестоносцамъ.

Нравоучительныхъ замѣчаній и сентенцій весьма мало и выражены онѣ весьма кратко; Костомаровъ находитъ ихъ лишь въ послѣднихъ годахъ лѣтописи. Изрѣченій слова Божія также весьма немного и тѣ, какія есть, большею частью настолько общеизвѣстны, что вошли уже въ народную рѣчь. Есть ссылка на Священную Исторію, напр. на Книги Царствъ, но и ихъ немного.

Причина всякаго событія по прежнему воля Божія, на все дурное наводитъ злокозненный дьяволъ, Игорь Сѣверскій попадаетъ въ плѣнъ за грѣхи и т. п. Но часто въ лѣтописи ищутся причины поступковъ болѣе близкія къ жизни: Ростиславъ Юрьевичъ приходитъ къ Изяславу, руководствуясь извѣстными соображеніями (см. выше, стр. 4), и такихъ объясненій много.

Затѣмъ въ лѣтописи замѣтна манера характеризовать извѣстныя лица и такія характеристики иногда очень живы, осо-

бенно въ разсказѣ о борьбѣ Изяслава съ Ольговичами. Татищевъ считалъ эти характеристики дѣломъ того разсказчика, который зналъ Игоря Ольговича волынскаго (см. выше, стр. 13). Очень мѣткія характеристики народныхъ массъ.

Языкъ Кіевской лѣтописи почти такой же, какъ и въ Древней лѣтописи (вып. I, стр. 179—181); пожалуй, онъ еще ближе къ нынѣшнему малороссійскому; мы по крайней мѣрѣ, нашли въ этой лѣтописи еще болѣе малороссійскихъ словъ и выраженій; но опять таки, повторяемъ, мы не можемъ ручаться, что многія изъ нихъ не встрѣчаются въ иныхъ русскихъ нарѣчіяхъ (См. П. Лавровскій: О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей стр. 16 и др.; впрочемъ и онъ отмѣчаетъ одну хоть и рѣдко встрѣчающуюся особенность — смѣшеніе «и» и «ы»). Напротивъ, церковно-славянскихъ словъ и выраженій въ языкѣ Кіевской лѣтописи значительно меньше. Надо полагать, что образовавшійся въ XII вѣкѣ литературный русскій слогъ уже подвергся тому обычному историческому процессу, которому подвергаются всѣ литературные языки при существованіи болѣе или менѣе развитыхъ мѣстныхъ нарѣчій. Онъ сталъ отдѣляться отъ словъ и выраженій, пронившихъ путемъ школы и нѣкогда считавшихся и художественными и обязательными, и пополняться словами и выраженіями изъ мѣстныхъ нарѣчій. Еще рельефнѣе замѣчается этотъ процессъ въ южной Руси съ XIII вѣка, какъ объ этомъ можно судить по Галицко-волынской лѣтописи.

П. Лавровскій (I. с., и другія сочиненія, — см. Житецкій: Очеркъ звуков. ист. малор. нарѣч. стр. 10), на основаніи филологическихъ соображеній, предполагаетъ, что послѣдній переписчикъ Ипатьевской лѣтописи былъ сѣверно-русскаго происхожденія. Колосовъ (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русск. языка съ XI—XVI столѣт. стр. 177) думаетъ, что лѣтопись на сѣверѣ была передѣлана. Это мнѣніе принимаетъ и Житецкій (Op. с. стр. 42, 49, 379 и мн. др.). Погодинъ даже прямо утверждалъ, что всѣ южно-русскія лѣтописи писаны по великорусски (Измлѣд. VII, 425 и др.); но это мнѣніе находится въ связи съ извѣстнымъ споромъ о существованіи до XIII вѣка въ южной Руси особаго южно-русскаго племени. Разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь было бы неумѣстно, тѣмъ болѣе, что

теперь онъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ (см. соч. Житецкаго ¹⁾).

Болѣе чѣмъ гдѣ либо обстоятельное обозрѣніе языка Кіевской лѣтописи, впрочемъ лишь относительно звуковъ и формъ, сдѣлано въ указанномъ выше сочиненіи Колосова. Въ важнѣйшемъ трудѣ, посвященномъ малороссійскому языку, въ нѣсколько разъ уже цитированномъ нами сочиненіи Житецкаго, о языкѣ южно-русскихъ лѣтописей почти не говорится, такъ какъ Житецкій, мы видѣли, считаетъ сохранившіяся древнія южно-русскія лѣтописи пострадавшими отъ сѣверно-русской ихъ передѣлки.

Лашнюковъ указываетъ, что въ Кіевской лѣтописи (стр. 110—170) формы церковно-русскаго языка соблюдены въ точности, тогда какъ напр. въ Суздальской онъ уже подверглись измѣненію въ духѣ народнаго языка, такъ вмѣсто «и» въ окончаніяхъ является «й», вмѣсто «градъ»—«городъ», вмѣсто «Андрей»—«Андрѣй». Но примѣры эти несомнѣнно доказательны и вопросъ требовалъ бы болѣе серьезнаго анализа.

Нѣзгода Мацѣевскій приписывалъ лѣтописи по Ипатьевскому списку (какъ и Слову о полку Игоревѣ) польское происхожденіе, и именно на основаніи языка ея; но слабыя его доказательства опровергнуты П. Лавровскимъ (Op. cit.).

Слогъ и способъ изложенія Кіевской лѣтописи весьма художественны; во многихъ мѣстахъ эта лѣтопись не только не уступаетъ, но и превосходитъ Древнюю лѣтопись. Нѣкоторые мѣста, какъ напримѣръ рассказъ о притворной болѣзни Владимірка, о походѣ Игоря Сѣверскаго на Половцевъ и особенно о смерти Игоря Ольговича, отличаются замѣчательною картинностью. Выраженія ея необыкновенно мѣткі, есть много пословицъ, поговорокъ, но мало библейскихъ выраженій и цитатъ изъ Священнаго Писанія. Драматическая разговорность слога существуетъ тоже немалая, чѣмъ въ Древней лѣтописи (см. напр. разговоръ Игоря Святославовича съ дружиною по поводу солнечнаго затмѣнія). Есть много рѣчей. Историки литературы, начиная съ Шевырева, любятъ сближать лѣтопись по Ипатьевскому списку съ художественной стороны съ Словомъ о полку Игоревѣ.

¹⁾ Въ послѣднее время споръ этотъ снова поднятъ проф. Соболевскимъ, но результаты его еще недостаточно выяснились

Костомаровъ указываетъ, что въ Кіевской лѣтописи можно различать по способу изложенія и слогу нѣсколькихъ рассказчиковъ; но, повидимому, онъ предполагаетъ здѣсь такое различіе, какое всегда окажется между рассказчиками, хотя бы принадлежащими къ одной литературной школѣ. Напр. въ концѣ лѣтописи (съ 1175 г.) употребляется два раза слово полкъ въ смыслѣ войска; есть выраженіе: русальная недѣля; всего этого раньше не было. Нѣкоторыя, встрѣчающіяся въ Ипатьевскомъ (и сходныхъ съ нимъ) спискѣ, выраженія Колосовъ, какъ мы видѣли, объясняетъ тѣмъ, что списокъ этотъ былъ переписанъ въ послѣдній разъ, а можетъ быть и передѣланъ, въ сѣверной Руси.

Спеціальный указатель къ Кіевской лѣтописи приложенъ къ изданію всей лѣтописи по Ипатьевскому списку 1871 г., слѣдовательно онъ обнимаетъ и Древнюю и Галицко-волинскую лѣтопись, но лишь по этому списку. Указатель есть именъ, лицъ и предметовъ. Можно пользоваться еще указателемъ Бычкова и сочиненіями Погодина. Есть нѣсколько статей, посвященныхъ біографіи того или другаго лица или опредѣленію мѣста ¹⁾, упоминаемаго въ этой лѣтописи; но это замѣчаніе приложимо ко всѣмъ лѣтописямъ безъ исключенія.

Лашниковъ замѣчаетъ, что Кіевская (и Галицко-волинская) лѣтопись представляетъ очень важный интересъ для топографіи юго-западнаго края, такъ какъ многіе города и даже мѣстечки и села, и понынѣ существующіе въ юго-западномъ краѣ, упоминаются въ Кіевской лѣтописи.

Кіевская лѣтопись по Ипатьевскому и сходнымъ съ нимъ спискамъ оканчивается въ 6708 году, но, конечно, она была продолжаема и далѣе, только списки ея утратились. Паденіе Кіева, начавшееся собственно уже съ половины XII столѣтія и потомъ еще болѣе значительное въ XIII в., особенно послѣ разоренія его Батыемъ, если и не было столь рѣшительно, какъ

¹⁾ Такъ намъ попались недавно статьи М. Андреевскаго о Перепетовскомъ полѣ и о городѣ Юрьевѣ (Кіевская Старина 1882—83 года), въ которыхъ рѣчь идетъ о мѣстностяхъ, имѣвшихъ первостепенное значеніе относительно событій, изображенныхъ въ Кіевской лѣтописи.

это предполагали прежде, говоря о полномъ запустѣннн Кіева (См. о Кіевѣ XIV—XVI в. статьи Антоновича въ Кіевской Старинѣ за 1882 г.), но все таки было значительно. Важнѣе всего, что съ одной стороны центръ политической жизни южной Руси былъ перенесенъ въ Галичь, а съ другой, Кіевъ, вмѣстѣ со всею южной Русью, какъ то оторвался отъ Руси сѣверной и сѣверо-восточной. Поэтому литература Кіевской Земли и города Кіева (а слѣдовательно и лѣтописаніе) имѣла лишь узкое мѣстное значеніе; памятники ея почти не переписывались въ остальной Руси и сохранялись лишь у себя. Присоединеніе къ Польшѣ имѣло слѣдствіемъ, между прочимъ, и рядъ литературныхъ измѣненій и въ томъ числѣ измѣненіе въ характерѣ историческаго повѣствованія; почему лѣтописныя произведенія такъ называемаго Казацкаго періода южной Руси сохраняютъ лишь небольшое сходство съ лѣтописями удѣльно вѣчеваго періода. Эти лѣтописи, какъ памятники древней литературы, могли сохраниться въ южной Руси, особенно въ ея монастыряхъ, но имъ не придавали большаго значенія въ то время, когда всѣхъ интересовали по преимуществу произведенія богословской литературы, которыхъ и сохранилось очень много. Большинство мѣстныхъ специально историческихъ сочиненій могло погибнуть во время тѣхъ невзгодъ, которымъ подвергалась Малороссія. Впрочемъ, мы увидимъ, что традиціи лѣтописанія не совсемъ прекратились въ южной Руси; но позднѣйшимъ лѣтописцамъ (Казацкаго періода) мы посвятимъ особую главу.

Однако слѣды кіевскихъ лѣтописей встрѣчаются, какъ въ лѣтописяхъ XIII вѣка, написанныхъ въ Суздаль или Новгородъ, такъ и въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, особенно въ такъ называемомъ Воскресенскомъ. Костомаровъ считаетъ извѣстія 1204 г.—о разореніи Кіева, и 1224 г.—о битвѣ при Калкѣ, находящіяся въ Лаврентьевскомъ спискѣ Суздальской лѣтописи, завесенными туда, повидимому, изъ Кіевской лѣтописи. Бестужевъ-Рюминъ допускаетъ то же относительно кіевскихъ извѣстій о событіяхъ, происходившихъ во время между окончаніемъ Кіевской лѣтописи и началомъ Галицко-волинской лѣтописи, записанныхъ въ иныхъ лѣтописяхъ, напр. въ Суздальской и позднѣйшихъ. Кіевскою лѣтописью пользовался и Длугошъ, выборку изъ извѣстій котораго до XIV вѣка, касающихся Русской исторіи, Бестужевъ-Рюминъ прило-

жилъ къ своему сочиненію о лѣтописяхъ. Какъ увидимъ далѣе, Кіевскими лѣтописями пользовались и иные польскіе хронисты и историки.

Говоря о кіевскихъ лѣтописяхъ, мы постоянно имѣли въ виду лѣтописи, писанныя въ г. Кіевѣ; но лѣтописи были, конечно, ведены и въ другихъ мѣстахъ Кіевской (въ тѣсномъ смыслѣ) Руси, гдѣ были и монастыри и все же довольно значительные города, напр. Звенигородъ или Бѣлгородъ; только лѣтописи эти уже утратились, послуживъ, можетъ быть, матеріаломъ для лѣтописей сохранившихся. Бестужевъ-Рюминъ при своемъ анализѣ постоянно предполагаетъ, что звенигородское извѣстіе было записано въ Звенигородъ и т. д. Хотя не всѣ такія его соображенія убѣдительны, но вопросъ о существованіи такихъ мѣстныхъ лѣтописей намъ кажется даже не нуждающимся въ доказательствахъ.

Еще болѣе вѣроятно существованіе лѣтописей въ Переяславѣ (русскомъ), городѣ важномъ въ самую раннюю эпоху существованія русскаго государства. Опять таки ихъ нѣтъ и слѣдовъ, хотя и есть извѣстія, которыя съ большою вѣроятностью могли быть записаны въ Переяславѣ.

Но что болѣе всего странно, это отсутствіе лѣтописей черниговскихъ, тогда какъ Черниговъ долго былъ вторымъ городомъ южной Руси. Впрочемъ извѣстій черниговскихъ въ лѣтописяхъ очень много и мы видѣли (выше стр. 12—14), что ученые принимаютъ существованіе черниговскихъ лѣтописей. Съ извѣстною вѣроятностью можно допустить существованіе лѣтописей новгородъ-сѣверскихъ, курскихъ и даже тмутараканскихъ, гдѣ видимо образовался свой литературный центръ, и слѣды этой мѣстной литературы даже сохранились. О записяхъ, которыя могли быть сдѣланы во всѣхъ этихъ мѣстахъ, можно прочесть у Бестужева-Рюмина.

Галицко-волынская лѣтопись.

Волинь—Земля древлянская очень рано слилась съ Кіевскою Землею и вошла въ составъ древней Руси. Червоная же Русь или Галичъ была присоединена нѣсколько позднѣе; хотя и это позднее время надо понимать относительно: во второй половинѣ XI в. червонорусскіе города (Перемышль, Теревовль и др.) совершенно слились съ остальною Русью. Обѣ эти области нѣтолько обособились въ XII вѣкѣ, но, видимо, стали значительнѣе, чѣмъ самая поднѣпровская Русь; а еще черезъ сто лѣтъ они то именно и стали южно-русскимъ государствомъ, въ которомъ старый Кіевъ имѣлъ второстепенное значеніе.

Близость Волини къ Кіеву и долгая общая ихъ исторія были, вѣроятно, причиною, что на Волини не могла рано развиться мѣстная литература, зачатки которой мы находимъ напр. въ Новгородѣ или Ростовѣ. Но, разумѣется, и въ обителяхъ волинскихъ городовъ (напр. во Владимірѣ) монахи трудились надъ обычными литературными занятіями, и въ томъ числѣ надъ лѣтописаніемъ, группируя доставшіяся имъ раннія погодныя замѣтки и цѣлыя сказанія. Таже работа, но нѣсколько позднѣе должна была происходить и въ Червоной Руси, напр. въ Перемышлѣ. Древнихъ лѣтописей волинскихъ и галицкихъ, конечно, было не мало (см. Вестужевъ-Рюминъ: О лѣтописяхъ, стр. 4, примѣч. 7), такъ какъ области были богатыя и монастырей было много, но всѣ лѣтописи въ послѣдствіи утратились и лѣтописцы намъ неизвѣстны. Татищевъ, между прочимъ, говоритъ о волинскомъ лѣтописцѣ игумнѣ Нифонтѣ (Ист. Россіи I, 57), но на какомъ основаніи—неизвѣстно.

Первыя извѣстія о Волини находятся въ Древней лѣтописи; можетъ быть они были записаны сперва на Волини. Срезневскій (Чтенія) напр. предполагаетъ это относительно из-

вѣстія подъ 6422 г. о дани, взятой съ древлянъ Игоремъ, причомъ она сравнивается съ данью, взятой съ нихъ Олегомъ. Намъ кажется, что какъ этотъ примѣръ, такъ и два другіе (о дѣлахъ Свенельда), могли быть записаны и не въ Древланской землѣ, а въ Кіевѣ.

Но въ XI вѣкѣ извѣстій о Волыни и Червонной Руси въ Древней лѣтописи есть уже больше и нѣкоторыя несомнѣнно тамъ и записаны. Такъ извѣстный разсказъ о Василькѣ (см. О лѣтописяхъ вып. I, стр. 160) составляетъ галицко-волынское сказаніе, написанное какимъ-то Василиемъ волынцемъ (владимірцемъ), и, по мнѣнію Соловьева, есть отрывокъ изъ первой части Галицко-волынской лѣтописи; по крайней мѣрѣ по слогу и способу изложенія онъ имѣетъ большое сходство съ сохранившеюся Галицко-волынской лѣтописью.

Еще болѣе извѣстій о Волыни и Галичѣ находится въ Кіевской лѣтописи, гдѣ многія записи по складу рѣчи напоминаютъ Галицко-волынскую лѣтопись. Княженіе Романа Мстиславича на Волыни и Владимірка и Ярославъ Осмомысла въ Галичѣ описаны въ Кіевской лѣтописи дотого подробно, что само собою является мысль, что не только волынскія и галицкія замѣтки и сказанія, но именно лѣтописи этихъ мѣстъ послужили источникомъ для составленія Кіевской лѣтописи. Мы видѣли, что издатели лѣтописи по Ипатьевскому списку готовы даже были признать Кіевскую лѣтопись за Волынскую (см. выше стр. 2).

Костомаровъ указываетъ, что при составленіи Кіевской лѣтописи нѣкоторыя галицко-волынскія извѣстія были пропущены; такъ подъ 6653 г. упоминается о хитромъ взятіи Володаря ляхами и замѣчено, что въ заднихъ лѣтахъ о томъ писано; а прежде объ этомъ не было сказано вовсе. Далѣе, Костомаровъ предполагаетъ заимствованными изъ галицкихъ и волынскихъ лѣтописей извѣстія, сохранившіяся у польскихъ историковъ, напримѣръ касающіяся исторіи Кн. Романа Мстиславича, его послѣдняго похода въ Польшу и смерти. Что Длугошъ зналъ галицко-волынскія извѣстія изъ недошедшей до насъ лѣтописи, это принимаетъ и Дашкевичъ. Бестужевъ-Рюминъ тоже допускаетъ, что многія извѣстія Длугоша могли быть записаны въ Галичѣ.

Но относительно XIII в. сохранилась лѣтопись, т. е. лѣтописный сводъ, описывающій исключительно галицко-волын-

скія событія и составленный гдѣ либо на Волыни, или въ Галичѣ.

Лѣтопись эта представляетъ очень важный источникъ для исторіи Россіи въ XIII в., только болѣе спеціальнѣй, чѣмъ Древняя и Кіевская, такъ какъ въ ней преобладаютъ галицкія и волынскія дѣла. Но для исторіи Галича и Волыни въ XIII в. это первый по важности источникъ и почти единственный, такъ какъ всѣ остальные русскіе источники если и дополняютъ его, то сравнительно весьма мало. Важнѣе источники иностранные, польскіе и венгерскіе, такъ какъ исторія Волыни, а особенно Галича въ XIII в. тѣсно связана съ исторіею Польши и Венгріи; но и эти источники по своей важности для исторіи юго-западной Руси все же значительно уступаютъ нашей лѣтописи.

Наконецъ, и какъ памятникъ литературный, Галицко-волынская лѣтопись имѣетъ значительный интересъ, такъ какъ многія мѣста въ ней по художественности не уступаютъ лучшимъ памятникамъ древней русской литературы.

Несмотря на такую важность Галицко-волынской лѣтописи, сочиненій, посвященныхъ ей, весьма мало. Сочиненіе Шараневича (Szaraniewicz: Die Hupatios Chronik als Quellen Beitrag zur Oestreichische Geschichte. Lemberg 1872) содержитъ почти исключительно одні выдержки изъ Галицко-волынской лѣтописи, съ весьма поверхностной ихъ оцѣнкой. Предисловіемъ Петрушевича къ галицкому изданію этой лѣтописи мы воспользоваться не могли, да оно считается и неважнымъ. Въ сочиненіи Бестужева-Рюмина Галицко-волынской лѣтописи посвящено всего 6 страницъ; Хрущовъ оканчиваетъ обзоръ сказаній XII вѣкомъ; такъ что остаются лишь Излѣдованія Погодина, Лекціи Костомарова и статьи Аристова и Лалыюкова, да еще нѣсколько замѣчаній въ немногочисленныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи юго-западной Руси и ея отношеніямъ къ Польшѣ и Венгріи, особенно въ сочиненіи Дашкевича о Князѣ Данилѣ Галицкомъ.

Лѣтопись называютъ Галицко-волынскою (обозначеніе Костомарова), или Волынско-галицкою (сперва Бестужевъ-Рюминъ); Карамзинъ, первый обратившій на нее вниманіе, называлъ ее прямо Волынскою; иные — Галицкою. Мы предпочли первое названіе, такъ какъ, представляя много извѣстій, запи-

писанныхъ на Волини, лѣтопись все таки болѣе говоритъ о дѣлахъ Галича.

Галицко-волинская лѣтопись сохранилась въ тѣхъ же спискахъ, какъ и Кіевская, т. е. въ Ипатьевскомъ и сходныхъ съ нимъ, и представляетъ ея продолженіе. Была еще копія Волинской лѣтописи въ библиотекѣ перемышльскихъ крилошанъ, но, кажется, уже утратилась (см. Труды Кіевск. Археологическаго Съѣзда, приложенія, статья Калужняцкаго, стр. 271).

Галицко-волинская лѣтопись и издается вмѣстѣ съ Кіевскою; поэтому, какъ о спискахъ ея, такъ и объ изданіяхъ см. выше (стр. 3). Есть и отдѣльное изданіе А. Петрушевича, (вып. I, Львовъ 1871 г.).

Кѣмъ ведена была Галицко-волинская лѣтопись? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ точности невозможно; но что многія мѣста ея записаны очевидцами, это вѣдь сомнѣній: расказчики постоянно сами на себя указываютъ. См. указанія у Погодина Костомарова, или Бестужева-Рюмина.

Погодинъ допускалъ всего двухъ лѣтописцевъ: первый изъ нихъ жилъ около 1226 г. Зубрицкій считалъ его духовникомъ Князя Мстислава Удалого, Тимофеемъ, о которомъ въ этой лѣтописи подъ 6713 г. сказано, что онъ былъ премудрый книжникъ и родомъ изъ Кіева (см. Исторію галицкаго княжества). Другой лѣтописецъ, по мнѣнію Погодина, упоминается подъ 1289 годомъ. Но для цѣлаго вѣка, обнимаемаго лѣтописью, двухъ лѣтописцевъ слишкомъ мало. Костомаровъ указываетъ на измѣненіе въ характерѣ лѣтописи съ 1261 г. и, кажется, допускаетъ участіе тоже двухъ лѣтописцевъ, притомъ лицъ свѣтскихъ, принимавшихъ участіе въ изображаемыхъ ими событіяхъ. Впрочемъ Костомаровъ допускаетъ и вставки. Наконецъ, Бестужевъ-Рюминъ, допуская официальность лѣтописи, считаетъ, хоть не столь рѣшительно и съ меньшимъ числомъ доказательствъ, и эту лѣтопись сводомъ, только съ претензіей на на цѣльность и нѣкоторый, такъ сказать, прагматизмъ.

Доказательства Бестужева-Рюмина все тѣ же: подъ 6714 г. авторъ обѣщается разказать о Галичиной могилѣ и началъ Галича—и не исполняетъ этого обѣщанія; обѣщается въ началѣ лѣтописи разказать о княженіи Романа, а разказъ на-

чинается временемъ послѣ смерти Князя Романа ¹⁾; есть непонятные намеки, или явно позднѣйшія вставки и мѣста совсѣмъ безсвязныя; сведены разныя мнѣнія; въ различныхъ мѣстахъ лѣтописи видны различныя симпатіи и т. д.

Лашнюковъ, хоть и менѣе рѣшительно, чѣмъ о предыдущихъ лѣтописяхъ, все же признаетъ Галицко-волынскую лѣтопись составленною однимъ авторомъ, и именно лицомъ духовнымъ, лѣтописцемъ по профессіи, знакомымъ съ греческими хронографами и себя называющимъ хронографомъ, интересующимся церковными событіями и личностями епископовъ и пристрастнымъ къ княжескому дому. Аристовъ дѣлаетъ относительно Галицко-волынской лѣтописи ту же ошибку, что и относительно Кіевской (см. выше стр. 8). Специалистомъ же и лицомъ какъ бы сознающимъ свою обязанность, подобно хронографу, все записывать, глубоко преданнымъ своему дѣлу и исполняющимъ его съ важностью, считаетъ автора (по крайней мѣрѣ одной части лѣтописи) и Дашкевичъ, видя въ немъ лицо свѣтское и отчасти официальное. Впрочемъ онъ допускаетъ, что инныя мѣста лѣтописи записаны духовными лицами, но почему то изъ бѣлаго духовенства. Линниченко тоже считаетъ составителя лѣтописи лицомъ свѣтскимъ, такъ какъ духовное лицо иначе выражалось бы о польскихъ псахъ, діаконахъ и игумнахъ (Взаимн. отн. стр. 6).

По мнѣнію Костомарова, Галицко-волынская лѣтопись была сначала писана въ видѣ повѣсти, безъ годовъ послѣ уже разбита на годы ²⁾ и довольно неискусно. Слѣдуетъ, что подъ какимъ либо годомъ, когда распредѣлитель не могъ помѣстить изъ сплошнаго разсказа ничего, потому что по своей хронологіи не находилъ ничего къ этому удобнаго, онъ вставлялъ выраженіе: бысть тишина, или—не бысть тишины, и при этомъ вставка видна очень ясно, такъ какъ между разрозненными ею

¹⁾ Костомаровъ приводитъ еще извѣстіе подъ 6672 г. объ убійствѣ Войшелгомъ Остафія Константиновича, причѣмъ сказано: о немъ же прежде псахомъ; а прежде будто бы ничего не было. Но объ Остафѣ было написано подъ 6670 г., и видно, что именно это мѣсто лѣтописецъ имѣетъ въ виду.

²⁾ По мнѣнію Срезневскаго лѣтопись, заключающая въ себѣ въ концѣ разсказъ современника, имѣетъ же самимъ написана и вся по другимъ лѣтописямъ; такъ она выдержана вся по изложенію и такъ отлична отъ всѣхъ другихъ лѣтописей; годы добавлены въ ней послѣ.

фразами не прерывается грамматическая связь, напр. (6721)... Данилови же приѣхавши въ Володимирь. 6722... Бысть тишина. 6723 Божиимъ повелѣніемъ прислаша князи литовскіи и т. д.

Въ лѣтописи, говоритъ Костомаровъ, сравнительно очень мало краткихъ извѣстій, какія обыкновенно попадаютъ въ большемъ числѣ въ иныхъ лѣтописяхъ. Наконецъ, какъ увидимъ ниже, распредѣлитель иногда переставлялъ мѣста повѣсти, измѣнялъ рассказъ и т. д.

Всѣ эти соображенія Костомарова нельзя не признать основательными, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ списковъ (Погодинскомъ) годы совсѣмъ не выставлены, а для нихъ лишь оставлены мѣста. Но все вопросъ этотъ нуждался бы въ подробномъ анализѣ, каковой Бестужевымъ-Рюминымъ, къ сожалѣнію, для этой лѣтописи не сдѣланъ.

Впрочемъ Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что Галицко-волынская лѣтопись представляетъ въ нашемъ лѣтописаніи совершенно особенное явленіе: составитель ея имѣлъ въ виду нѣчто болѣе стройное, чѣмъ простая погодная лѣтопись. Такъ подъ 6762 г. онъ самъ говоритъ: *Вта же лѣта, времени минувшу, хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогдаже писати в передняя, овогда же возстupati в задняя: чѣтый мудрый разумѣть; ишло же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ по Антивсѣйскимъ соромъ (съборомъ, въ иныхъ спискахъ) алумпиядамъ, грѣцкими же численицами, рымскы же висикостомъ, яко же въ Евсѣвій Памфилъ и иныи хронографи списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спишемъ рочетъше во задняя¹⁾.*

Правомъ систематизаціи составитель лѣтописи иногда и пользуется, группируеъ рассказъ съ нарушеніемъ при этомъ хронологіи. Такъ, сообщая подъ 6721 г. о женитбѣ Данила на дочери Мстислава Удалого, онъ тутъ же говоритъ о дѣтяхъ Данила отъ этого брака. Подъ 6731 г. онъ приводитъ цѣлый рядъ владимирскихъ епископовъ, и о каждомъ сообщаетъ какія нибудь извѣстія. Подъ 6765 г. пишетъ: *по великимъ бо князь Романъ никто же не бѣ воевалъ на нѣ въ рускихъ князихъ, развѣ сына его Данила, Богомъ же дана ему дань, послушество*

¹⁾ Поповъ сближаетъ съ этимъ мѣстомъ довольно сходное мѣсто изъ одного хронографа (см. Обзоръ хронографовъ I, 69): хронографу нужда есть писати вся, елико же есть и т. д.

створи Лядскою Землею, сирѣчь во память дѣтемъ своимъ, яко же премудрый хронографъ списа, яко же добродѣянъ во вѣкы святятся. Яко же сказахомъ о ратехъ многихъ, сиже написахомъ о Романѣ: древль бо (бѣ) писати си, нынѣ же здѣ вписано бысть въ послѣдняя. Еще много подобныхъ примѣровъ указано у Бестужева-Рюмина и Костомарова.

Костомаровъ полагаетъ, что лѣтопись Галицко-волинская прежде была ведена въ Галичѣ, приблизительно до 6709 года, послѣ чего рассказъ переходитъ къ Волини. Бестужевъ-Рюминъ не соглашается съ этимъ, на основаніи одного мѣста подъ 6711 г., которое писано едва ли не на Волини: княгиня же Романовая вземше дѣтятѣ свои и бѣжа въ Володимеръ. И еще же хотящю Володимеру искоренити племя Романово, поспѣвающимъ же безбожнымъ галичанамъ и т. д. Но и помимо этого мѣста самое начало лѣтописи сообщаетъ много извѣстій о Володимерѣ Волинскомъ и извѣстія галицкія начинаютъ рѣшительно преобладать съ того времени, когда въ галицкихъ дѣлахъ начинаетъ принимать участіе Кн. Данилъ Романовичъ.

Развивая и дополняя мнѣніе Костомарова, Дашкевичъ находитъ, что часть лѣтописи, обнимающая Данилово время, распадается на два отличныя другъ отъ друга и потому принадлежащія разнымъ лицамъ повѣствованія. Одно (первая, большая часть) прямо можетъ быть названо частною лѣтописью, занимающеюся Кн. Даниломъ. Лѣтописи обыкновенно слѣдятъ за князьями съ того времени, когда они выступаютъ въ качествѣ дѣятелей; здѣсь же повѣствованіе съ самаго начала сосредоточивается около судьбы малолѣтнихъ Романовичей, на нее главнымъ образомъ рассказчикъ обращаетъ вниманіе и прямо заявляетъ, что предметъ лѣтописи—ихъ исторія. Во всемъ рассказѣ видна искренняя и глубокая (и отнюдь не официальная) любовь и уваженіе къ Данилу. Лѣтописецъ ликуетъ при его побѣдахъ, старается не пропустить ничего замѣчательнаго, постоянно желаетъ показать, что это былъ особенный человекъ, не любитъ его враговъ, обличаетъ ихъ недостаткомъ, главныхъ изъ нихъ, галицкихъ бояръ, называетъ безбожными, нечестивыми, невѣрными, а противъ одного изъ нихъ Жирослава выражается проклятіемъ въ цѣлой тирадѣ (подъ 6734 г.). Каждый успѣхъ Данила авторъ приписываетъ помощи Божіей и постоянно внушаетъ читателю, что Данилъ находится подъ Божіей охра-

ною. Дашкевичъ отмѣчаетъ еще и такую любопытную мелочь, что авторъ постоянно называетъ Даниила княземъ до его коронованія, и королемъ послѣ него.

Другое повѣствованіе начинается послѣ находящагося во всѣхъ спискахъ перерыва вслѣдъ за разсказомъ о нашествіи Бурандая (подъ 6769 г.) и написано во Владимірскомъ княжествѣ и вообще лицомъ интересующимся и преданнымъ князьямъ Владиміра-Волинскаго. Оттого въ немъ такъ мало сказано о Даниловой дѣятельности послѣ нашествія Бурандая и объ его смерти и такъ кратко похвалы ему, чего бы не было, если бы продолжалъ писать тотъ авторъ, которому принадлежитъ все предыдущее; напротивъ въ первомъ планѣ Даниловъ братъ Василько. Авторъ 2-ой части лѣтописи называетъ «короля» Даниила иногда княземъ. Разсказъ 2-ой части не носитъ характера непрерывнаго повѣствованія, а приближается, особенно подъ конецъ, къ чистой лѣтописи; наконецъ Дашкевичъ находитъ разницу и въ языкѣ.

Впрочемъ Дашкевичъ считаетъ трудно допустимымъ, чтобы первая часть лѣтописи была составлена однимъ лицомъ, такъ какъ она обнимаетъ 54 года; она могла выйти изъ подъ пера нѣсколькихъ лицъ, или быть сложенною однимъ лицомъ по нѣсколькимъ извѣстіямъ. Но во всякомъ случаѣ эта первая часть была проредактирована однимъ лицомъ, жившимъ въ позднѣйшее время, на что указываетъ упоминаніе при случаѣ вещей, имѣвшихъ мѣсто неособенно скоро послѣ того времени, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Напр. подъ 6713 годомъ онъ говоритъ о венгерской королевѣ Елисаветѣ, юже нынѣ святу нарекають, преее же имя ей Кинека; много бо послужи Богови по мужи своемъ... А Св. Елисавета кононизирована въ 1238 г. Дашкевичъ приводитъ и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ. Лѣтописецъ этотъ несомнѣнно былъ близокъ къ Данилу. Дашкевичъ даже доказываетъ, что находящіяся въ этой части лѣтописи вставки (см. ниже) сдѣланы ея редакторомъ; словомъ, мы имѣемъ сочиненіе очень цѣльное. Вторая же часть лѣтописи — волинская, не отличается такою цѣльностью. Въ ней есть вставки, не принадлежащія къ ея составу, и мѣста заимствованныя изъ противоположныхъ по характеру источниковъ. Въ цѣломъ же лѣтопись все таки представляетъ сводъ; но вопросъ о мѣстѣ его окончательнаго составленія имѣетъ второстепенное

значеніе, разъ мы знакомы съ мѣстомъ, гдѣ записаны его источники.

Начинается Галицко-волынская лѣтопись 6709 годомъ, причемъ въ началѣ ея тоже есть путаница; оканчивается она 6813 годомъ. Костомаровъ признаетъ за окончаніе ея 6808 г. (1300), считая остальное, на основаніи слога и хронологіи, позднѣйшими вставками. Даже извѣстія 6798 и 6799 онъ считаетъ чуть ли не припискою. Погодинъ тоже оканчиваетъ лѣтопись 1289-мъ годомъ; редакторы же изданія 1871 года оканчиваютъ 6800 г. (1292), считая остальное приписками съ 6808, т. е. послѣ 8 лѣтъ перерыва, и по 6813 годъ.

Вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ дошла до насъ Галицко-волынская лѣтопись, т. е. отрывокъ ея о XIII вѣкѣ, не подвергался обсужденію; но, принимая во вниманіе, что Погодинъ не отмѣчаетъ въ ней мѣстъ испорченныхъ, можно думать, что она сохранилась еще лучше, чѣмъ Кіевская. Это весьма возможно и потому, что лѣтопись оканчивается послѣдними годами XIII вѣка, а списокъ ея мы имѣемъ не позже XV вѣка. Но опять таки нельзя не допустить, что послѣ составленія этой лѣтописи, въ началѣ XIV в., были не только сдѣланы приписки, но кое что и вставлено и переправлено; кромѣ того при перепискѣ могли оказаться и ошибки; напр. вставкою могли быть нѣкоторыя мѣста Ипатьевского списка, не находящіяся въ иныхъ спискахъ, напр. извѣстіе объ убіеніи 500 болгаръ подъ 6716 г. (Костомаровъ).

О содержаніи Галицко-волынской лѣтописи Аристовъ говорить, что оно обрисовывается слѣдующими словами самой лѣтописи: велику мятежу воставшу въ Землѣ Русской оставившима жеся двѣма сынома его (т. е. Романа—Даніилу и Васильку)—единъ 4 лѣтъ, а другій дву лѣтъ... Начнемъ же сказати бесчисленныя рати и великыя труды, и частыя войны и многыя мятежи и частыя возстанія... Посемъ скажемъ многы мятежь, великыя лъсти (обманы), бесчисленныя рати и т. д. (Особыя частныя заглавія въ лѣтописи).

Дѣйствительно лѣтопись занимается преимущественно военными дѣлами.

Начинается она въ Ипатьевскомъ списокѣ частнымъ заглавіемъ (какія, впрочемъ, постоянно встрѣчаются въ лѣтописяхъ): Въ лѣто 6709 начало княженія великого князя Романа Само-

держа бывша всеи Руской Земли князя Галичкого. Разказъ же начинается именно временемъ послѣ смерти Романа, о которомъ лишь приведено нѣсколько обрывковъ поэтическаго содержанія. Притомъ есть путаница : многіе извѣстные факты изъ исторіи начала XIII в., находящіеся въ другихъ лѣтописяхъ, пропущены, а разказаны такіе, которые случились раньше. Затѣмъ идетъ разказъ о борьбѣ за Галичъ русскихъ князей, поляковъ и венгровъ въ малолѣтство Даниіла Романовича и во княженіе въ Галичѣ Мстислава Удалого. Среди разказа находится сказаніе о битвѣ на Калкѣ. Далѣе слѣдуютъ : борьба за Галичъ послѣ смерти Мстислава и вокняженіе Даниіла въ Галичѣ и Василька во Владимірѣ Волынскомъ ; княженіе Даниіла (важнѣйшая часть лѣтописи) и, среди разказа, нашествіе Батые ; событія послѣ смерти Даниіла въ княженіе его сына Льва (особенно дѣла литовскія) ; смерть Василька и княженіе во Владимірѣ Волынскомъ сына его Владиміра Васильковича ; обширный разказъ о болѣзни и смерти Владиміра Васильковича и его завѣщанія, и наконецъ начало княженія во Владимірѣ Мстислава Даниловича ¹⁾.

Весь лѣтописный разказъ, какъ мы сказали, посвященъ преимущественно войнамъ, рѣдко касаясь событій церковнаго или гражданскаго характера.

Обращаясь къ составу Галицко-волынской лѣтописи, видно, что изъ всей лѣтописи можно выдѣлить весьма немного особыхъ, вошедшихъ въ нее, сказаній ; по крайней мѣрѣ Бестужевъ-Рюминъ выдѣляетъ лишь слѣдующія мѣста : Подъ 6732 г. сказаніе о битвѣ на Калкѣ. Оно находится во всѣхъ лѣтописяхъ, иногда въ той же редакціи, какъ въ спискахъ Галицко-волынской лѣтописи, иногда нѣсколько сокращено ; причомъ бываютъ и добавленія, впрочемъ не важныя (см. Бестужевъ-Рюминъ, стр. 154, прим. 248). Писано оно очевидно, сообщающимъ всѣ подробности, толки, разговоры и, вѣроятно, волынцемъ или галичаниномъ, такъ какъ видно особенное сочувствіе къ князю Даниілу.

Сказаніе о нашествіи Батые. Миѣ кажется, что въ эту

¹⁾ Въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ въ окончаніи большая путаница, см. примѣчаніе къ изданію 1872 года.

лѣтопись оно попало подъ двумя годами 6745 и 6748, смѣшавшись съ лѣтописнымъ изложеніемъ; въ другихъ же лѣтописяхъ сказаніе это сохранилось совершенно въ иныхъ редакціяхъ. Всѣ указанія приведены Бестужевымъ-Рюминымъ (стр. 155, прим. 252) и имъ же сдѣлано краткое сличеніе. Сказаніе это могло, по мнѣнію Бестужева-Рюмина, составиться изъ различныхъ мѣстныхъ сказаній, и одна часть его, собственно сказаніе объ опустошеніи Рязани, вполне обследована Срезневскимъ (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ, вып. IV).

Сказаніе подъ 6796 г. о болѣзни и смерти князя Владиміра Васильковича. Это—обширная повѣсть, даже слогомъ рѣзко отличающаяся отъ остальной лѣтописи, написанная человѣкомъ, близкимъ къ Князю Владиміру. Оканчивается она похвалою этому князю въ видѣ проповѣди и потомъ двумя особыми разсказами, находящимися въ Погодинскомъ и Ермолаевскомъ спискахъ: краткимъ—объ обрѣтеніи тѣла Владиміра, и болѣе пространнымъ, въ которомъ перечисляются дары его различнымъ храмамъ. Бестужевъ-Рюминъ думаетъ, что сказаніе это, собственно первая часть его, написано для наслѣдника князя Владиміра—Мстислава Даниловича; но указанная имъ мѣста обличаютъ только сторонника этого князя и были бы чересчуръ грубою лестью, если бы написаны были именно для него.

Въ лѣтописи подъ 6795 г. уже было говорено о болѣзни Кн. Владиміра и приведено даже его рукописаніе (т. е. завѣщаніе). Этихъ рукописаній было три: два Князю Мстиславу на свое княженіе и третье княгинѣ; это третье здѣсь и записано. Всѣ эти грамоты были писаны писцомъ Федорцемъ. Мы думаемъ, что здѣсь собственно сокращенное изложеніе грамоты, такъ какъ, несмотря на официальное начало, въ лѣтописи очень мало официальныхъ датъ, существующихъ въ дошедшихъ до насъ актахъ XIII вѣка.

Составитель лѣтописи имѣлъ подъ рукою еще официальный актъ: такъ онъ говоритъ подъ 6762 годомъ о договорѣ венгерскаго короля Бѣлы IV съ Романомъ Даниловичемъ, — «его же за множество весь не списахомъ».

Наконецъ грамота же или, вѣрнѣе, сокращеніе ея помѣщено подъ 6797 г., и это мѣсто важно потому, что на него, какъ мы имѣли случай говорить, ссылаются въ доказательство оф-

официальности летописей, и притомъ это указаніе наиболѣе раннее ¹⁾: жители города Берестья вмѣсто Кн. Мстислава призвали племянника его Кн. Юрія Львовича, котораго Мстиславъ и изгналъ. Пріѣхавши въ Берестье, Мстиславъ спросилъ у бояръ: «есть ли ловчии здѣ? Они же рекоша: нетуть, господине, изъ вѣка. Мстиславъ же рече: язъ такъ уставливаю на нѣ ловчее за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ кровь, и повелѣ писцю своему писати грамоту».

Хотя далѣе, судя по началу, и записана грамота: Се азъ Князь Мстиславъ, сынъ корольвъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьянъ и т. д.; но все же она въ летописи очень коротка, при ней нѣтъ никакихъ официальныхъ датъ и притомъ въ разныхъ спискахъ она находится на разныхъ мѣстахъ, почему вѣрнѣе видѣть здѣсь ея краткое изложеніе. Оканчивается это мѣсто словами: «А вопсалъ есть въ летописѣцъ коромолу ихъ». О пониманіи нами этого мѣста мы говорили въ вып. I, стр. 71 ²⁾.

Наконецъ, отрывками какого то поэтического сказанія считаетъ Бестужевъ-Рюминъ (Р. Ист. I Введ. стр. 28) и тѣ мѣста въ началѣ летописи, въ которыхъ говорится о Кн. Романѣ Мстиславичѣ. Дашкевичъ доказываетъ, что эти отрывки внесены самымъ редакторомъ той часъ летописи, которая посвящена княженію Данила.

Вотъ и всѣ тѣ мѣста, которыя могутъ быть выдѣлены.

При обзорѣннн иныхъ летописей оказывается, что записи подъ годами вообще неособенно велики, такъ что, если въ видѣ исключенія, является большой рассказъ, то нѣкоторые ученые, напр. Бестужевъ-Рюминъ или Хрущовъ, склонны принимать его за особое сказаніе. Къ Галицко-волинской летописи эта мѣрка вполне неприменима, такъ какъ въ ней погодныя записи постоянно очень обширны и выдѣлены изъ рассказа быть не могутъ. Поэтому, какъ мы видѣли, Костомаровъ и Бестужевъ-Рюминъ считаютъ Галицко-волинскую летопись сочиненіемъ особеннаго характера.

¹⁾ Влывевъ почему то видитъ доказательство официальности летописи еще въ описаніи мятежа и ратей въ Галичѣ 6738—6743 г.

²⁾ Здѣсь мы не замѣтили довольно грубой опіски, вмѣсто Мстислава Даниловича названъ Василько Мстиславичъ.

Можно бы полагать, что тѣ мѣста лѣтописи, которыя имѣють особыя частныя названія представляютъ и особыя, внесенныя въ лѣтописи сказанія; но издатели лѣтописи 1872 г. отмѣчаютъ, что названія эти приписаны инымъ почеркамъ и именно, западно-русскимъ XVIII в. (вѣроятно одного изъ прежнихъ владѣльцевъ рукописи).

Пользовался ли составитель лѣтописи какими нибудь иностранными источниками? Конечно, Священное Писаніе онъ зналъ и цитируетъ извѣстныя мѣста изъ него такимъ же образомъ, какъ и всѣ лѣтописцы. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, онъ ссылается на хронографъ, и именно на хронографъ Малалы (въ переводѣ), изъ котораго взята и фраза подъ 6737 годомъ: Скрытъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ (*Σκίρτος ποταμός σκίρτῳσι καὶ σκίρτῳματῳ πολιταῖς*). Малала рассказываетъ, что наводненіемъ рѣки Скирта была потоплена Эдесса и потомъ на этомъ мѣстѣ найденъ былъ камень съ этою надписью, вошедшею въ поговорку. Лѣтопись примѣнила ее къ Днѣстру: тако и Днѣстръ злу игру сыгра уграмъ; причо́мъ тоже получилась игра словъ. Фраза эта понравилась лѣтописцу, такъ какъ онъ повторилъ ее еще и подъ 6728: Слю же наричють Белжане злу ношь: сия бо ношь злу игру имъ сыгра ¹⁾).

Затѣмъ знаетъ лѣтопись Евсевія Кессарійскаго, а можетъ быть, и другихъ хронографовъ. Дашкевичъ находитъ даже, что лѣтописцу былъ извѣстенъ Гомеръ, которому онъ будто бы удачно подражалъ. Такимъ подражаніемъ считаетъ Дашкевичъ мѣсто подъ 6764 г.: одинъ же волнъ управи десьницю свою, иземъ рогатицю ис пояса своего далече вергъ, срази князя ятвягскаго съ коня своего и летяще ему до землѣ изыде душа его съ кровью во адъ. Образъ дѣйствительно сходный съ нѣкоторыми мѣстами Иліады, но вѣроятно сходство случайное. Положимъ, въ лѣтописи подъ 6741 даже называется Омиръ и приводится будто бы изъ него цитата: О лествъ зла есть! Якоже Омиръ пишетъ, до обличенія сладка есть, обличена же зла есть; кто въ ней ходитъ, конецъ золь приметъ; о злѣе зла зло есть! Но Пыпинъ указываетъ, что такого мѣста ни въ Иліадѣ, ни

¹⁾ Терновскій допускаетъ, что это извѣстіе о разливѣ р. Скирта могло быть заимствовано и изъ Амаргола (Изучен. Виз. Ист. I, 13 примѣч.).

въ Одиссеѣ не встрѣчается (Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей стр. 50).

Западно-европейскія, особенно польскія извѣстія въ лѣтопись занесены, кажется, не столько изъ писанныхъ источниковъ, сколько на основаніи сообщеній очевидцевъ, каковыми иногда могли быть, конечно, и самые лѣтописцы. На очевидца напр. указываетъ извѣстіе подъ 6793 г.: начаша повѣдати, оже въ нѣмцехъ вышедъ море и потопило землю гнѣвомъ Божиимъ: болѣе шьстидесять тысячь душъ потонуло, а церкви каменныхъ одинадесять и сто, опроче деревяныхъ.

Линниченко говоритъ, что въ Галицко-волинской лѣтописи есть только одно мѣсто, отличающее знакомство съ западными хрониками, именно рассказъ объ ослѣпленіи Петра Власта и бѣгствѣ его въ Русь, да и то считаетъ позднѣйшей вставкой, какого либо читателя, а объ ослѣпленіи Власта даже легендою (Взаимн. отн. Руси и Польши стр. 6 прим. и въ дополн. вѣ). Впрочемъ Линниченко указываетъ на знакомство лѣтописца съ латинскимъ и польскимъ, а можетъ быть и съ венгерскимъ языкомъ, что открывается въ языкѣ лѣтописи. Извѣстіе о смерти Филиппа Гогенштауфена подъ 6715 г. Дашкевичъ тоже считаетъ вставкою, но проникшею изъ какой либо западной хроники (Дан. Галицк. стр. 5). Лѣтопись знаетъ и предшествующую отечественную исторію, имѣствуя ее, конечно, изъ прежнихъ лѣтописей.

Краткихъ погодныхъ замѣтокъ очень мало; но тѣ, которыя есть, имѣютъ обыкновенный характеръ. Нѣсколько больше ихъ въ концѣ лѣтописи; но онѣ все же обширнѣе, чѣмъ записи въ иныхъ лѣтописяхъ. Преобладаютъ въ нихъ извѣстія галицко-волинскія, такъ что лѣтопись имѣетъ вполне мѣстный характеръ; можетъ быть поэтому Бестужевъ-Рюминъ и не счелъ нужнымъ дѣлать имъ подробный анализъ.

Лѣтописныя извѣстія записаны тоже не только современниками, но и очевидцами и участниками событій; но точнѣе опредѣлить кого нибудь изъ нихъ невозможно. Можно развѣ, судя по симпатіямъ, высказываемымъ въ различныхъ мѣстахъ лѣтописи, полагать, что тотъ или другой рассказъ записанъ лицомъ, близкимъ къ извѣстному князю. Такъ Дашкевичъ считаетъ редактора первой части лѣтописи лицомъ близкимъ къ Данилу; Костомаровъ указываетъ, что рассказчикъ повѣсти о

последнихъ дняхъ Владиміра Васильковича относится менѣе благосклонно къ Кн. Льву Мстиславичу, чѣмъ тотъ, который сдѣлалъ приписки послѣ 1289 г. и т. п.

Относительно Галицко-волинской лѣтописи ученые (Погодинъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ и др.), основываясь на обилии военныхъ подробностей въ ней, еще настойчивѣе утверждаютъ, что составители ея были лица свѣтскія. Мы уже столько разъ касались этого вопроса, что нѣтъ цѣли говорить о немъ еще: скажемъ только, что прямого указанія на свѣтскій характеръ разскащиковъ нѣтъ; а по тону разсказа судить трудно¹⁾. Лашнюковъ именно на основаніи тона разсказа считаетъ составителя лѣтописи лицомъ духовнымъ. Особенно сильно выдаетъ свой характеръ духовнаго лица составитель повѣсти о смерти Владиміра Васильковича. Говорили мы и о томъ, какъ понимать официальность этой лѣтописи, которую допускаетъ даже Лашнюковъ.

Достоверность историческихъ извѣстій, сообщаемыхъ Галицко-волинскою лѣтописью, не подвергается сомнѣнію. Правда, очень многія извѣстія, о которыхъ эта лѣтопись сообщаетъ, ничѣмъ и не могутъ быть проверены; но другія подтверждаются изъ польскихъ и венгерскихъ источниковъ. Впрочемъ, гораздо чаще извѣстія, сообщаемыя этими источниками, подвергаются проверкѣ по польскимъ и венгерскимъ извѣстіямъ. Это совершенно понятно, такъ какъ разсказъ очевидца въ XIII вѣкѣ можетъ отличаться нѣкоторою тенденціозностью, напр. онъ можетъ быть нѣсколько пристрастнѣе къ русскимъ, чѣмъ къ литовцамъ, полякамъ или венграмъ, и событія могутъ быть изложены въ болѣе благопріятномъ для русскихъ свѣтѣ, чѣмъ они происходили на самомъ дѣлѣ; но сознательное искаженіе истины допустить уже трудно. Отмѣтимъ, впрочемъ, особую благосклонность лѣтописи къ княжескому дому Романовичей, и преимущественно къ Даніилу, и очень враждебное отношеніе къ галицкому боярству, а въ особенности, подмѣченное Лашнюковымъ, нерасположеніе къ движеніямъ народныхъ массъ, въ которыхъ выражалось противодѣйствіе власти. Эти свойства лѣтописи могли,

¹⁾ Погодинъ, напримѣръ, по поводу извѣстія 6721 г., что Мстиславъ Удалой подарилъ Даніилу коня своего борзата сивата, говорить, что монахъ не замѣтилъ бы масти лошади.

пожалуй, нѣсколько повліять на ея непристрастіе. Въ литературѣ нашей этотъ вопросъ затронуть, впрочемъ, не было, кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній Дашкевича. По его мнѣнію, хотя лѣтописецъ и желаетъ выставить съ самой лучшей стороны Даниїла, но для этого прибѣгаетъ къ одной истинѣ; иногда только онъ, можно сказать неумышленно, впадаетъ въ нѣкоторую утрировку фактовъ. Но и о Даниїлѣ въ лѣтописи встрѣчается не только одно хорошее, напр. подъ 6738 г. сказано: «нѣкое слово похвально рещу (Даниїлу), его же Богъ не любитъ». Даниїлъ не можетъ взять въ 6743 г. Звенигорода: «бѣ бо Святая Богородица въ немъ чудная икона». Враги Даниїла награждаются иногда несовсѣмъ лестными эпитетами; но это не мѣшаетъ лѣтописи соблюдать правдивость въ разсказѣ о ихъ дѣяніяхъ.

Какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, свѣдѣнія, сообщаемыя Галицко-волынской лѣтописью, касаются преимущественно галицко-волынской исторіи XIII в., представляя для нея самый важный историческій источникъ. Впрочемъ, есть извѣстія и о кievской Руси, даже о сѣверныхъ русскихъ княжествахъ.

Помимо исторіи былевой, лѣтопись эта представляетъ, какъ и всѣ лѣтописи, очень важный источникъ и для исторіи быта югозападной Руси, преимущественно Галича. Какъ извѣстно, въ Галицкой Землѣ подъ вліяніемъ вѣдѣнія о вѣдѣнія съ Венгріей (а также и съ Польшей) и, благодаря въ силу еще несовсѣмъ понятныхъ намъ экономическимъ условій страны, въ которой, благодаря характеру мѣстности и торговымъ отношеніямъ, могли образоваться крупно-земельныя владѣнія, сложилась довольно сильная аристократія. Галицкіе бояре явились не только въ роли совѣтниковъ княжескихъ, но были зачастую распорядителями въ Галицкой Землѣ и, лишь благодаря ихъ взаимнымъ ссорамъ и подкапыванію другъ противъ друга, могла иногда торжествовать княжеская власть. Политическое же значеніе народа, замѣтное въ Червонной Руси еще въ половинѣ XII вѣка (напр. при Кн. Владиміркѣ), въ XIII вѣкѣ совершенно исчезаетъ; о народныхъ вѣчахъ ничего не упоминается. Это преобладающее значеніе боярства изображено въ лѣтописи чрезвычайно рельефно; поэтому отсюда черпали постоянно массу извѣстій тѣ историки, которые пытались изобразить бытъ русскаго боярства въ смыслѣ аристократіи. Съ другой стороны прежніе историки Червонной Руси (Зубрицкій, Соловьевъ, Смирновъ), изображая бытъ Гали-

ці, преимущественно въ аристократическихъ ея чертахъ, о народѣ сообщали свѣдѣнія довольно отрывочныя.

Новѣйшіе историки Галича, напр. Дашкевичъ (см. его сочиненія о Болховской Землѣ и о Кн. Даніилѣ Галицкомъ) и особенно Шараневичъ (впрочемъ преимущественно для болѣе поздняго времени, см. Очеркъ внутреннихъ отношеній Галича во второй половинѣ XV вѣка) сумѣли извлечь изъ лѣтописи много свѣдѣній, живо рисующихъ и бытъ народа въ Галиціи, напр. промышленность, торговлю, заселеніе городовъ и т. п. Къ сожалѣнію исторія Галицкаго княжества еще не написана, какъ слѣдуетъ, русскими учеными, и этотъ пропускъ не можетъ быть пока восполненъ трудами ученыхъ галицкихъ или иностранныхъ, такъ какъ даже тѣ изъ нихъ, которые, какъ Шараневичъ, зная всѣ иностранныя источники, необходимые для изученія галицкой исторіи, и будучи кромѣ того хорошо знакомы со всею, касающеюся Галича литературою, въ томъ числѣ съ Ипатьевскою лѣтописью и извѣстными актами, все же мало знакомы съ остальными источниками русской исторіи, разумѣется безусловно необходимыми для пониманія исторической жизни Червонной Руси ¹⁾.

Исторія Волини разрабатана еще слабѣе; въ русской исторіографіи нѣтъ ни ^{одного} соотвѣстнаго сочиненія ей посвященнаго, почему еще ^{нѣтъ} лѣтописнымъ ^и даже тѣ извѣстія лѣтописи, которыя сообщаютъ свѣдѣнія о волинскихъ дѣлахъ; сочиненіе же Шараневича: Исторія Галицко-Владимірскаго Княжества болѣе говоритъ о Галичѣ.

Галицко-волинская лѣтопись даетъ много указаній и на бытъ князей и понятно почему: въ разсказахъ видно пристрастіе къ княжескому дому Романовичей, обусловленное близкими къ нему отношеніями.

Наконецъ Галицко-волинская лѣтопись, кромѣ интереса для русской исторіи, очень важна и для исторіи Литвы, представляя опять таки едва ли не единственный по важности источникъ для времени до XIV вѣка. Какъ былевая, такъ и бытовая исторія Литвы изображена въ ней очень обстоятельно (см. Антоновичъ: Исторія В. Кн. Литовскаго); о ятвягахъ мы только и знаемъ что нибудь благодаря этой лѣ-

¹⁾ Нѣкоторыя сочиненія о Галицкой Руси, напр. Лелевеля Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie, извѣстны намъ, впрочемъ, лишь по названію.

тописи. Затѣмъ сообщается множество извѣстій для исторіи и быта Польши, Венгріи, черноморскихъ степей во время пребыванія въ нихъ татаръ, и даже странъ болѣе отдаленныхъ, напр. Ливонскаго Ордена, Германіи (въ половинѣ XIII вѣка) и, между прочимъ, Австріи и Чехіи. Извѣстія эти, впрочемъ, почти что не провѣрены учеными, и Лашнюковъ считаетъ ихъ темными и перепутанными, такъ какъ лѣтописецъ заимствовалъ многія извѣстія изъ устныхъ разсказовъ современниковъ, и потому не вѣрно записалъ названія мѣстностей, переименовалъ собственные имена, перепуталъ событія. Намъ кажется, что этотъ приговоръ слишкомъ строгъ: переименованье собственныхъ именъ и названій мѣстностей—широко распространенный въ исторіографіи грѣхъ, а отъ человѣка XIII столѣтія трудно и ожидать правильнаго ихъ употребленія. Что же касается до извращенія самыхъ событий, то это еще нуждается въ доказательствахъ.

Хронологія Галицко-волынской лѣтописи очень неправильна, и вотъ по какой причинѣ. Кіевская лѣтопись оканчивается 6708 г. Тотъ, кто переписалъ ее (или нашелъ ее въ такомъ видѣ переписанною — это не дѣлаетъ разницы), имѣлъ подъ руками лѣтопись Галицко-волынскую, начинающуюся смертию Романа, и прямо пристегнулъ ее къ Кіевской, а, такъ какъ первая часть Галицко-волынской лѣтописи въ основѣ своей можетъ быть составлена бытъ бы ^{Кривдой}, то составитель, желая подражать Кіевской лѣтописи (мнѣніе еще Карамзина), и разставилъ числа. Разставляя годы, онъ началъ непосредственно 6709 ¹⁾ годомъ, тогда какъ Романъ Галицкій умеръ въ 6713 году, почему хронологія лѣтописи подалась на четыре года назадъ. Разумѣется, эта грубая ошибка была бы легко поправима, если бы она прошла черезъ всю лѣтопись; но распредѣлитель чиселъ видимо сознавалъ, что у него въ иныхъ мѣстахъ хронологическія даты вѣставлены неправильно, такъ какъ въ источникахъ его лѣтописи были и записи съ годами. Онъ пытался свою хронологію исправить, для чего иногда событія одного и того же года раздѣлены и занесены подъ двумя годами и сдѣланы вообще различныя пертурбаціи (см. выше стр. 33 ²⁾).

¹⁾ Событія, происходившія во время между окончаніемъ Кіевской лѣтописи и началомъ Галицко-волынской, нѣсколько, впрочемъ, извѣстны изъ другихъ лѣтописей, напр. изъ нѣкоторыхъ списковъ Суздальской и изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ.

²⁾ Погодинскій списокъ такъ и остался съ невыставленными годами.

Легко понять, какую путаницу произвела эта манера въ хронологіи лѣтописи. Дашкевичъ объявляетъ ее прямо незаслуживающею никакого довѣрія и сожалѣеть, что историки еще продолжаютъ ею пользоваться. Онъ приводитъ примѣры, какъ походъ Мстислава Удалого къ Галичу оказался и подъ 6724 г. и подъ 6727 годомъ, а подъ 6726 г. написано: бысть тишина. Или, одна и таже битва Романовичей съ венграми показана въ двухъ годахъ: въ 6739 и 6740 г. и мн. др.

Но всѣ эти соображенія о хронологіи Галицко-волынской лѣтописи имѣютъ общій характеръ, въ частности же она предметомъ особаго изслѣдованія не послужила. Лишь въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи Юго-западной Руси XIII в., попадаются спеціальныя изслѣдованія объ одной или нѣсколькихъ хронологическихъ датахъ этой лѣтописи ¹⁾. О томъ, что составитель лѣтописи иногда сводилъ подъ однимъ годомъ событія многихъ лѣтъ, имѣвшія между собою историческую связь, и дѣлалъ это сознательно—было уже говорено.

Какъ памятникъ литературный, Галицко-волынская лѣтопись признается всѣми весьма замѣчательной; однако съ этой стороны она до сихъ поръ никѣмъ не была рассмотрѣна, если не считать нѣсколькихъ случайно брошенныхъ о ней замѣчаній.

Ученые указываютъ на художественный характеръ; но художественность эту далеко не извѣстную художественность Древней и Кіевской лѣтописи, художественность именно своею простотою и непосредственностью. Художественность лѣтописи Галицко-волынской уже искусственная, она достигается умышленнымъ подборомъ извѣстныхъ образовъ и систематическимъ расположеніемъ словъ, чѣмъ лѣтопись эта сходна съ Словомъ о полку Игоревѣ. Оба эти памятника создались не въ народной средѣ, даже не въ средѣ, хотя и подвергшейся вліянію византійскаго образованія, но все еще сохраняющей народныя традиціи, рѣзко отъ него отличающіяся, а уже совершенно въ особой умственной атмосферѣ. Въ XIII вѣкѣ главные источники умственной жизни русскаго общества, народныя вѣрованія, византійское вліяніе, даже до нѣкоторой степени западно-европейское вліяніе, (особенно въ Юго-западной Руси) настолько уже слились между собою, что болѣе образованные люди этого

¹⁾ См. напр. хронологическую замѣтку Вл. Бузескула о занятіи Галича Мстиславомъ Удалымъ (Ж. М. Н. II. 1881 г. № 3), или любое сочиненіе по исторіи Галицкаго Княжества.

времени отличались совершенно цѣльнымъ умственнымъ развитіемъ, усвоившимъ себѣ и византійскія теоріи, но не чуждымъ и народнаго творчества. Люди несомнѣнно религіозные, они не ставили себѣ аскетическихъ идеаловъ; они интересовались и политикою, и тѣмъ, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, и удовольствіями жизни. Религія сознательно не заслоняла въ нихъ патріотизма, къ народнымъ вѣрованіямъ относились они благосклонно, не считая ихъ зазорными или грѣшными; вообще умственное развитіе ихъ отличалось достаточно свѣтскимъ характеромъ. Такой типъ образованныхъ людей могъ сложиться при княжескихъ дворахъ, и не только у людей свѣтскихъ, но и у духовныхъ, которые втягивались въ интересы тѣхъ кружковъ, къ которымъ они принадлежали; хотя, по существу дѣла, умственное развитіе лицъ духовныхъ было болѣе подвержено византійскому вліянію. Даже въ монастыряхъ, при общеизвѣстной близости ихъ къ князьямъ, были лица раздѣлявшія господствовавшія идеи XIII вѣка, и они то, какъ люди все же самые образованные, могли вести лѣтописи.

Какія же характеристическія черты замѣчаются въ Галицко-волынской лѣтописи?

Аристовъ, какъ мы сказали выше (стр. 22), сдѣлалъ общую характеристику всей той части лѣтописи по Ипатьевскому списку, которая напечатана въ III томѣ Полнаго собранія лѣтописей. Приведемъ эту характеристику раньше, въ этомъ же выпускѣ, мы не имѣемъ основанія повторять ее теперь во второй разъ; скажемъ только, что всѣ указанныя Аристовымъ черты несравненно сильнѣе замѣчаются въ Галицко-волынской лѣтописи, чѣмъ въ Кіевской: она еще обстоятельнѣе говоритъ о военныхъ событіяхъ, сообщая о нихъ все до мельчайшихъ подробностей. Напротивъ, фактовъ церковно-историческихъ сообщено очень мало (даже тѣ немногіе, которые есть, Аристовъ склоненъ считать вставками, но это уже черезчуръ смѣлое предположеніе). По отношенію къ религіи лѣтопись отличается значительнымъ индифферентизмомъ, она благосклонна и къ католичеству. Такъ лѣтописецъ придаетъ значеніе папскому проклятію, очень восхваляетъ католическихъ святыхъ, напр. Св. Елисавету, или польскихъ королей, напр. Конрада (подъ 6759 г.), или Болеслава, князя краковскаго. Впрочемъ, это не мѣшаетъ лѣтописцу приписывать успѣхъ какаго либо дѣла Св. Николаю

или Св. Михаилу; образъ Пресв. Богородицы останавливаетъ успѣхъ Данила и т. п. Наконецъ, правоучительныхъ сентенцій, изреченій слова Божія и ссылокъ на Священное Писаніе, кажется, еще меньше, чѣмъ въ Кіевской лѣтописи.

По художественности даваемыхъ ею образовъ Галицко-волинская лѣтопись, т. е. собственно часть ея, посвященная княженію Данила, занимаетъ первое мѣсто между всѣми лѣтописями. На каждомъ шагу, при описаніи чуть ли не каждаго событія, рассказчикъ старается дать картину и часто успѣваетъ въ этомъ. Битва ли, военная игра, боярскія смуты — все это встаетъ въ лѣтописи передъ нами, какъ живое. Характеристики лицъ сдѣланы мастерски; иногда какимъ либо однимъ мѣткимъ выраженіемъ лѣтописецъ прекрасно обрисовываетъ извѣстную личность. Важнѣйшій образъ — конечно, Данилъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ съ сильной любовью, когда онъ еще такъ молодъ былъ, что и матери своей не зналъ. Онъ слѣдитъ за всѣми его трудными дѣйствіями въ теченіи всей его жизни, съ тѣхъ поръ какъ онъ выучился ѣздить на конѣ, какъ за первые подвиги мужества получилъ похвалу и подарокъ, какъ онъ на Калкѣ получилъ глубокія раны и не чувствовалъ ихъ по своей молодости и силѣ, не спалъ сряду по три дня и по три ночи, какъ помогалъ ему Богъ на всѣхъ трудныхъ путяхъ жизни, вѣнчалъ его труды славою и т. д. Очень характеристично то мѣсто, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о путешествіи Данила въ орду къ Батыю (подъ 6758 г.): «Злѣе зла честь татарская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемъ, со братомъ си инѣми странами: нынѣ сѣдитъ на котѣну и холопомъ называється, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять. О злая честь татарская! Замѣчательно, говоритъ Аристовъ, что о Михаилѣ Святомъ, князѣ черниговскомъ, который боролся съ Даниломъ за Галичъ, лѣтописецъ отзывается несомнѣнно благопріятно (*passim*, особенно подъ 6746 г.) и весьма коротко говоритъ о его мученической кончинѣ въ ордѣ.

Очень художественны также рассказы о нашествіи татаръ и опустошеніи и Галицкой Земли, о битвѣ подъ Ярославлемъ, о болѣзни Владиміра Васильковича и много другихъ мѣстъ.

Какъ памятникъ, составленный современниками изображае-

мыхъ событій, Галицко-волинская лѣтопись не можетъ хранить народныхъ преданій, но кое какія легенды случайно въ нее попасть могли. Такою легендою отзвается рассказъ объ основаніи города Холма Кн. Даниломъ Романовичемъ. Дашкевичъ приводитъ въ параллель къ этому рассказу еще нѣсколько преданій (Кіевск. унив. изв. 1882 г. № 2 стр. 53 прим. 4). Есть черты сходства съ этимъ преданіемъ въ народной легендѣ о постройкѣ города Каменца (Кіевская Старина 1884 г. № 5 стр. 17).

Слогъ Галицко-волинской лѣтописи тоже очень художественъ и во многихъ мѣстахъ напоминаетъ Слово о полку Игоревѣ. Таково напр. мѣсто о Кн. Романѣ въ началѣ лѣтописи: По смерти же великаго Князя Романа, принопамятнаго Самодержца всея Руси, одолѣвши всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божиимъ, устремилъ бо ся бяша на поганья яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко крокодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орель, храбръ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганья измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшу Отрока во Обезы за желѣзныя врата, Сърчанови же оставшую у Дону, рыбою ожившую; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шелономъ Донъ, и приемшу землю ихъ всю, и загнавшу окаянныя агарины. Или: . . . родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву... Или: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ яко облаку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клещущимъ и плавающимъ крылома своимъ и воспрометающимъ на воздусѣ (въ этомъ мѣстѣ чувствуется даже ритмъ). Или... щить ихъ яко заря бѣ, шелоомъ же ихъ яко солнцу восходящу и мн. др.

Выраженія лѣтописи часто очень мѣткі и образны: сразились челомъ будто громъ грянулъ; шли камни съ забралъ, какъ дождь сильнѣй; еще бо ему (Льву) не сошла оскомлина Телебужины рати и мн. др. Костомаровъ находилъ, что почти безпрестанное уподобленіе въ лѣтописи дательнаго самостоятельнаго падежа уже глгоказываетъ страсть къ образности и поэтическую натуру писателя. Но онъ находить, что хотя складъ лѣтописи блестятъ поэзіей (не поэзіей простоты первобытнаго рассказа, а цвѣтистой удалой раскидистой поэзіей, напоминающей Слово о полку Игоревѣ), но тѣмъ не менѣе Галицкая лѣтопись не отличается ясностью изложенія. Ея качество, можно

сказать, таково, что многія мѣста, взятія отдѣльными періодами, представляютъ изящный образъ, но въ соединеніи ихъ мало стройности; поэтому въ изложеніи, не смотря на поэтическій колоритъ разсказа, есть какая то тяжеловѣсность. Разсказъ о Владимірѣ Васильковичѣ напротивъ отличается необычайною простотою и ясностью.

Любопытно, что въ Галицко-волинской лѣтописи встрѣчаются указанія на древнія пѣсни и древнихъ пѣвцовъ; а извѣстно, что этихъ указаній вообще чрезвычайно мало. Вотъ указанія лѣтописи: подъ 6749 г. упоминается словутный пѣвецъ Митуса древле за гордость не восхотѣвшій служить Кн. Данилу, а потомъ раздранный, аки связанъ, къ нему приведенный ¹⁾.

Подъ 6759 г. освобожденные Даниломъ и Василькомъ изъ плѣна у Ятвяговъ «пѣнь славну пояху има».

Извѣстно еще указаніе на половецкаго пѣвца подъ 6709 году: По смертѣ же Володимерѣ (Мономаха) оставшю у Сырчана (хана половецкаго) единому же гудъцю же Ореви, посла и въ Обези (къ загнанному туда Мономахомъ хану Отроку) река: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣни половецкия; оже ти не всехочеть дай ему обухати зелья, именовъ евшанъ (или емшанъ). Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелья; оже у же обухавшю и восплакавшю рче: да луче есть во своей землѣ костью лечи, нели на чуже славну быти, и приде во свою землю.

Языкъ Галицко-волинской лѣтописи, какъ намъ кажется, будучи обычнымъ лѣтописнымъ языкомъ южной Руси, еще ближе къ нынѣшнему малороссійскому, что сказывается и въ сходствѣ словъ и особенно въ его фонетикѣ; впрочемъ этотъ вопросъ нуждается въ серьезномъ изслѣдованіи.

И къ Галицко-волинской лѣтописи, какъ сохранившейся въ Ипатьевскомъ спискѣ, примѣнимо соображеніе П. Лавровскаго и Колосова, что она переписана гдѣ либо въ сѣверной Руси. О языкѣ этой лѣтописи, кромѣ указанныхъ уже по поводу прежнихъ лѣтописей общеизвѣстныхъ сочиненій Макси-

¹⁾ Впрочемъ Максимовичъ, кажется, правильно думаетъ, что Митуса былъ церковный пѣвчій (см. замѣтку о Митусѣ соч. М.—ча I, 129).

мовича, Лавровскаго, Колосова и Житецкаго, недавно напечатаны еще замѣчанія Соболевскаго (Очерки изъ исторіи русскаго языка стр. 64—66); но неособенно существенныя и тоже касающіяся всего Ипатьевскаго списка.

Дашкевичъ отмѣчаетъ, что, судя по языку, рассказъ о Владимірѣ Васильковичѣ написанъ на Волини, напр. р. Сянь называется Сань. Линниченко же указываетъ на множество польскихъ и латинскихъ словъ въ этой лѣтописи. Наконецъ, приписки въ концѣ лѣтописи, по мнѣнію Костомарова, отличаются языкомъ позднѣйшимъ, напр. Крижаки прусскіе Куданскъ взяли и збурили; Люблинъ ляхи отшукали отъ Руси и т. д. Это дѣйствительно языкъ юго-западныхъ русскихъ памятниковъ болѣе поздняго времени.

Указатели къ Галицко-волинской лѣтописи тѣже, что и къ Киевской (см. выше стр. 26). Къ сожалѣнію, даже при бѣглому обзорѣ нами замѣчены были ошибки въ указателяхъ къ изданію 1871 г. Ипатьевскаго списка лѣтописи, напр. г. Глѣбовъ смѣшанъ съ Глѣблемъ и др. ¹⁾

Замѣчаніе Лашнюкова относительно значенія Галицко-волинской лѣтописи для топографіи Юго-западной Руси приведено нами выше (стр. 26).

Галицко-волинская лѣтопись, къ которой мы уже сказали, дошла до насъ всего одна; однако о вѣдѣнско-галицкихъ дѣлахъ существовала и другая лѣтопись, которую пользовался Татищевъ, знавшій изъ разбираемой лѣтописи лишь начало (характеристику Романа). Но лѣтопись извѣстная Татищеву, по мнѣнію Дашкевича, едва ли была писана въ Галичѣ или на Волини, такъ какъ въ ней въ подробностяхъ, отсутствующихъ въ Галицко-волинской лѣтописи, встрѣчаются нерѣдко неточности въ въ извѣстіяхъ, повѣрныя только при отдаленности лѣтописца отъ пунктовъ, въ которыхъ совершались описываемыя событія.

Нѣкоторые Галицко-волинскія извѣстія находятся въ одной изъ позднѣйшихъ южно-русскихъ лѣтописей, такъ называемой Густинской; но эти извѣстія взяты изъ той же лѣтописи, какъ и находящіяся въ Ипатьевскомъ спискѣ, только позднѣйшей редакціи. Мы скажемъ о нихъ въ то время, когда будемъ говорить о Густинской лѣтописи.

¹⁾ Молчановскій (Очерки Подольской земли стр. 148) указываетъ, подъ 1255 г. изъ слова маліи сдѣлано собственное имя Малій, что совершенно извратило смыслъ мѣста.

Дополненія къ I выпуску.

Къ стр. 9: Для греческой логографіи смотри на русскомъ языкѣ новое сочиненіе Шеффера: Очерки греческой исторіографіи—Кіевскія университетскія извѣстія за 1884 годѣ.

Къ стр. 15: Для исторіи Сократа и Созимена вышли новыя сочиненія Іеена и Гарнака: см. Прибавл. къ творен. Св. Отц. 1885 г. II, А. Л.

Къ стр. 18: Г. Голубовскій въ рецензіи на 1-й выпускъ моего труда о лѣтописяхъ (Кіевская Старина 1883 г. № 8) указалъ, что древніе польскіе лѣтописцы не знали русскихъ лѣтописей. Я дѣйствительно употребилъ неточное выраженіе: такихъ польскихъ писателей, какъ Длугошъ, а тѣмъ болѣе Стрыйковскій, неудобно называть *древними* лѣтописцами. Впрочемъ, я имѣлъ въ виду еще и Кадлубка, жившаго въ началѣ XIII вѣка; но онъ, можетъ быть, русской тописи не зналъ, а писалъ о галицкихъ событіяхъ, какъ очевидецъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о знакомствѣ польскихъ лѣтописцевъ съ русскими лѣтописями нуждался бы въ особомъ изслѣдованіи.

Къ стр. 20: О польскихъ лѣтописяхъ есть сочиненіе Смолки Польскія лѣтописи до начала XIV вѣка.

Къ стр. 22: Есть еще и грузинскія лѣтописи, о которыхъ см. въ статьѣ Патканова: О ванскихъ надписяхъ (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 12), но онѣ очень поздняго времени.

Къ стр. 40: И. Тихомировымъ написаны еще 2 статьи: О псковской лѣтописи (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 10) и О Лаврентьевской лѣтописи (ibid. 1884 г. № 10). Последнее заглавіе, впрочемъ, неточно; рѣчь идетъ о такъ наз. Суздальской лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Затѣмъ недавно явилось небольшое изслѣдованіе — О первоначальной лѣтописи Великаго Новгорода І. Сенигова (Ж. М. Пр. 1884 г. № 6).

Къ стр. 71 далѣе, къ вопросу объ официальнойности лѣтописей: Можно привести еще аналогичные примѣры пользованія лѣтописями; но и они точно также не даютъ никакого доказательства официальнойности лѣтописей:

Въ первой Псковской лѣтописи подъ 7018 г. записана ссылка псковичей на лѣтописцевъ при переговорахъ съ дьякомъ, присланнымъ В. Княземъ Василиемъ Ивановичемъ.

Западно-русскіе епископы, избирая митрополитомъ Григорія Цамблака, ссылались на примѣръ избранія кievскаго митрополита соборомъ при В. Князѣ Изяславѣ кievскомъ: «то нашли ясно написано стоитъ въ лѣтописцѣхъ русскихъ, въ кievскомъ и володимерьскомъ и въ иныхъ» (Акты Зап. Россіи т. I, стр. 36).

Выдубецкіе монахи, спора въ 1656 г. съ новопечерскими о правѣ владѣнія на перевозъ черезъ р. Днѣпръ противъ устья р. Лыбеди, приводили въ доказательство переправу Кн. Василька Ростиславича въ 1097 г., «беручи» этотъ «доводъ Несторомъ кройникаромъ, або лѣтописцомъ печорскимъ кievскимъ за фундаментъ sprawy своея» (Кievск. Стар. 1882 г., № 11, стр. 369).

Недавно за официальность псковскихъ лѣтописей высказался Тихомировъ, въ указанной выше статьѣ О псковской лѣтописи (стр. 235, примѣчаніе): «Можетъ быть официальнымъ характеромъ псковскихъ лѣтописей объясняется то, что въ нихъ вошло посланіе Симеона митрополита о попѣхъ, о которомъ замѣчено: «а сія грамота легла предъ посадники псковскими и священники у лавицы августа въ 11 день». Это посланіе, конечно, имѣло чисто официальный характеръ. Посланіе игумена Памфила вошло въ лѣтопись, какъ адресованное псковскому наместнику».

Для насъ все это не особенно важно, чѣмъ замѣчаніе Костомарова, о которомъ мы говорили на стр. 76; мало ли какіе официальные акты могли найти себѣ мѣсто въ лѣтописяхъ.

Къ стр. 92: Въ pendant къ окончанію того послѣсловія, которымъ завершается Лаврентьевскій списокъ лѣтописи, приведенъ приписку однимъ прологъ: «Вы же господыне, когда кто коли чтете, да где гдѣ будемъ описалися или преступили собою, исправяще чтите, а насъ многогрѣшныхъ не клените Бога дѣля. Аминь». (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. № 5, Критика, стр. 73). Въ такомъ же родѣ послѣловіе и къ одному изъ прологовъ, приведенное Срезневскимъ въ Славяно-русской палеографіи стр. 190.

Къ стр. 103. Впрочемъ Лаврентьевскій и Троицкій списки лѣтописи не сходятся въ хронологіи; такъ въ Троицкомъ спискѣ 6393 г. соединенъ съ слѣдующимъ 6394, почему съ этого года

Лаврентьевскій списокъ относительно Троицкаго идетъ на годъ впередъ до 6453 г., когда хронологія обоихъ списковъ опять становится согласною.

Къ стр. 106: Переводъ Бѣлевскаго, кажется, сдѣланъ въ сущности Вагилевичемъ (см. Кіевск. Стар. 1883 г. № 7, статья Я. Г. (т. е. Головацкаго) о Вагилевичѣ стр. 466.

Изъ новыхъ переводовъ Древней лѣтописи укажемъ на только что (въ 1884 г.) вышедшій французскій переводъ съ комментаріями Луи Леже; но при пользованіи имъ необходимо имѣть въ виду и поправки къ нему, сдѣланныя въ рецензій Бестужева-Рюмина (Ж. М. Н. Пр. 1884 г. № 10).

Къ стр. 111—112: Для сопоставленія житій Св. Бориса и Глѣба см. Кіевск. Стар. 1885 г. № 6 М. Андріевского Давыдова Боженка.

Къ стр. 131: О Меодіѣ Патарскомъ есть спеціальная статья Модестова въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ за 1857 г. Смотри также извѣстное изслѣдованіе А. Веселовскаго: Объ исторіи развитія христіанской легенды.

Къ стр. 137: О спискахъ Георгія Амортюла есть этюдъ Де Боара (см. о немъ Ж. М. Н. Пр. т. 1, стр. 489).

Къ стр. 138: О Кунопѣ подъ 6578 г. исторіи вып. 1-ый, ст. 138, сказывается окончательнѣе.

Къ стр. 144—145: Средній однако указываетъ, что въ лѣтописномъ житіи Свв. Кирилла и Меодія есть свѣдѣнія, въ паннонскихъ житіяхъ не находящіяся, и приводитъ выдержки (Ж. М. Н. Пр. 1882 г. № 8, Славяно-русская палеографія, ст. 2-я, стр. 301 и слѣд.).

Къ стр. 145: Для сказанія о хожденіи апостола Андрея см. еще Труды кіевскаго археологическаго съѣзда стр. LXIV изложеніе реферата В. И. Григоровича.

Къ стр. 146: Какъ курьезно понимали впоследствии, именно въ XVI в., лѣтописное извѣстіе о расселеніи славянъ—см. Замысловскаго Герберштейнъ стр. 56.

Къ стр. 149: Относительно народныхъ преданій объ образахъ см. Симашкевича историко-географическій и этнографическій очеркъ Подолія, вып. 2-ой, стр. 29.

Къ стр. 151—152: Въ собр. сочиненій Якушкин преданій о Рюрикѣ, Ольгѣ и т. д.; но они имѣютъ иное происхожденіе.

Къ стр. 152: Способъ, какимъ были умерщвлены нами Игорь, практиковался, по видимому, у народовъ. Такъ былъ казненъ римскій сенаторъ Авреляномъ (Гиббонъ I, 380); такъ же было и во время вѣствованіе И. Валента тираннъ Прокопій (Истор. 3). Въ Отечественн. Запискахъ 1806 г. (т. 1, стр. 3). довскій богъ, указывается, что подобный способъ началъ XIX в. убитъ мордвою (Истор. 479). фактъ опровергается (см. Истор. 479). Такимъ же способомъ были убиты своими товарищами бродягами извѣстный преступникъ (Русская Мысль 1883 г. № 11, Сибирскіе колонны).

Къ стр. 153: Въ pendant по словамъ (Истор. 6493 г.) по поводу камскихъ болгаръ: сущіе даны намъ не даются, подемъ искать лѣтъ о Робертѣ Гюискарѣ. Когда онъ былъ убитъ братьями (Истор. 6493 г.) люди въ (Истор. 6493 г.) б т. (Истор. 6493 г.) въ извѣст.

Къ стр. 155—156: Сходство приближаетъ разсужденіи Св. Владиміра съ лѣтописцемъ о крещеніи (Истор. 6493 г.) ходитъ черты сходства — (Истор. 6493 г.) ск. ун. изв. 1885 г.

Къ стр. 161: Относительно разсказа лѣтописи о еще статью Латвии — Пятистолѣтіе зырянскаго края (Истор. Пр. 1883 г. стр. 300 и д.) и Герберштейнъ (Истор. 6493 г.) сваго (стр. 84).

Стр. 161: Такое же мнѣніе относительно убійствъ Итлара (Истор. 6493 г.) высказано Голубовскимъ (Истор. 6493 г.) № 9 (Истор. 6493 г.) монѣги, торки и половцы (Истор. 6493 г.)

Къ стр. 180: Много мелкихъ замѣчаній о языкахъ лѣтописи разсыпано въ статьяхъ по филологіи Мавроу (Истор. 6493 г.) нынѣ собранныхъ во II томѣ его сочиненій.